

Людмила Брылева

*Ох уж
эта Люська!*

Орёл, 2023

ББК 84(2р)6
Б 89

Художник Анастасия Оксенюк

Б 89 Людмила Брылёва. Ох уж эта Люська! Повесть для семейного чтения. – Орёл: Орловский Дом литераторов, 2023. – 136 с.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Орловской области*

Казалось бы, обычные привычные вещи: чистая совесть, правдивость, обиды, предательство, страх, верность, лень, но маленькая девочка впервые встречается с ними в своей жизни. Взрослые заняты своими делами и решать возникающие проблемы приходится самой. Не всегда всё получается правильно, но малышка не отчаивается. Чистое сердце, искренность, вера в добро помогают ей найти выход из трудных ситуаций. Она знает, что этот мир примет её такой, какая она есть. А люди? Она научится ладить с ними. Или не ладить...

ISBN 978-5-9708-1091-0

ББК 84(2р)6

© Брылёва Л.М., 2023
© Оксенюк А.О., 2023
© БУКОО «Орловский Дом литераторов», 2023

ДАВНЕЕ, ВОЛШЕБНОЕ МОЁ ДЕТСТВО!

С любовью и благодарностью ко всем, кого я вспомнила в своей книге, кто, может быть, узнал себя в ней. С благодарностью за любовь и нелюбовь ко мне. За науку жить, любить, помогать. За уроки стойкости, оптимизма. Вы очень помогли мне.

– Бабушка, расскажи, как ты была маленькая?

Темноволосая пушистая головка поднимается с подушки, склоняется к плечу, зависая на упёршемся в подушку локотке.

– Да ведь я тебе уже рассказывала, Сашенька.

– Ещё-о-о, у тебя такое интересное детство! А правда что вы одни гуляли во дворе и никто за вами не присматривал?

Что сказать на это? Мне самой это кажется странным теперь. А тогда, в пятидесятых, через десять лет после войны, по-другому и быть не могло. Прошло полвека, и жизнь изменилась до неузнаваемости. Искреннее удивление моей внучки заставляет по-новому взглянуть на моё не слишком сытое и обеспеченное, но такое яркое, интересное, по-настоящему волшебное детство.

Ну кто сейчас умеет ловить рыбу банкой на быстрине; самостоятельно делать новогодние игрушки и карнавальные костюмы; вырезать перочинным ножиком пистолетики из деревянных обрезков, взятых на лесопилке; шить кукол и

одежду к ним; самозабвенно выкармливать дворовых котят и щенят, спрятанных в подвале, вынося тайком из дома в кармане ситцевого платяца откусанную котлетку, горстку жареной на сале картошки, кусочек ириски...

А игры! Играли всем двором. Делились на команды, и... происходило знакомство с городом, неизвестными улицами, чужими дворами, ведь куда только ни заносило желание получше спрятаться или отыскать спрятавшихся. Играли в вышибалы, казаки-разбойники, лапту, стрелы. А во дворе чертили классики, играли в мяч, скакалки...

Мы не знали что такое скука. Давнее, волшебное моё детство!

– Бабушка, а ты в детстве была красивая малышка?

– Да все дети красивы, Сашенька.

– Ну а ты, какая была ты?

И правда, какая была я?

Что ж...

Давайте знакомиться

Обыкновенная щекастая курносая девчонка. И всего-то красивого у неё – пушистые длинные косы. Но это, почему-то, понимают только взрослые. Люське эта красота не в радость. Каждое утро начинается со слёз. Косы ведь надо приводить в порядок?! Люська терпит, когда косы ей заплетает мама, – она всегда что-то рассказывает интересное, или песню напевает. Девочка быстро успокаивается, а когда мама уходит на работу рано, эта забота достаётся бабушке. Бабушка ничего, добрая иногда, но косы заплетать не любит, нервничает, дергает гребёнкой волосы, а Люська орёт что есть мочи. Бабушка начинает ругаться и уж тут Люська даёт волю своим капризам. Расстанутся они обычно после этой процедуры недовольные, дуются друг на друга до обеда.

Люська горожанка, живёт она в небольшом городке на Урале, в красивом трёхэтажном доме, в четырёхкомнатной коммунальной квартире. Вместе с мамой и бабушкой они занимают одну комнату, другую – ровесница-подружка Люда с родителями. Ещё в одной живёт семья подружки постарше, Томки. А четвёртая комната пока пустая, те соседи недавно уехали, получили новую квартиру.

Люськина квартира расположена на первом этаже, но девочку это не особенно огорчает, даже наоборот – быстрее до улицы домчаться можно: лестничная площадка, пять ступенек, две двери – и ты на улице. Хотя конечно, на третьем этаже жить, наверное, интереснее: улицу видно далеко и к небу поближе. Вон, у Вали, голуби постоянно ходят за окном по широкому карнизу, бросишь крошки в форточку, и сиди, наблюдай, как они дерутся, а на первом этаже они редкие гости, прохожих боятся.

Беспокойное утро. Дедушка Гнусин

Сегодня у Люськи много забот. Завтра приезжают два старших двоюродных брата с родителями. Тётя Нина, их мама, – это старшая бабушкина дочь. А всего у бабушки четыре дочери. Ещё есть тётя Рита, потом Люськина мама – Тамара и младшая Лира. Люська рада, что братья теперь будут жить у них, в той пустующей комнате. А пока надо успеть оповестить об этом всех приятелей. Двор у них большой.

Наскоро позавтракав, пятясь задом и дожёвывая на ходу картофельную котлету, малышка вытаскивает свой трёхколёсный велосипед из квартиры на площадку. На лестнице она чуть не попадает под его колёса, но вовремя отпускает руль. Отскочив к перилам и от страха прижмутив глаза, она слушает, как велосипед, с грохотом переваливаясь со ступеньки на ступеньку и набирая скорость, мчится к дверям. Девочка вовсе закры-

вает глаза и даже приседает, ожидая удара об дверь. Но вместо этого раздаётся громкий вопль. От неожиданности Люськин рот широко раскрывается. Недожёванный пластилиновый кусок котлеты плюхается к её ногам. В дверях стоит дедушка Гнусин и, потирая ногу, укоризненно глядит на свою любимицу. Рядом валяется большая пустая лейка.

Люську точно ветром сдувает со ступенек. Она виснет на шее у деда и шепчет ему громко:

– Дедушка Гнусин, голубчик, я не нарочно же, он сам вырвался.

– Ладно-ладно, сорванец, чего уж...

Дед, выпрямившись, поправляет сбившийся серенький льняной беретик, заправляя под него включенные седые волосы. Потом гладит девочку по голове, норовя захватить ладонью и косы, и помогает ей вытащить велосипед на улицу. Люська, схватив зелёную лейку, выскакивает следом.

– Куда это ты спозаранку нацелилась? – глаза у деда-соседа грустные, внимательные.

«Ага, вот он, самый главный вопрос!» Люська делает безразличное лицо, взгляд скучающе шарит по крыше соседнего дома:

– А куда деда, так просто, гулять.

Но наткнувшись на ласковый прищур его глаз, вдруг взрывается:

– Дедушка Гнусин, а ко мне завтра братики приезжают, двое!

И прищёлкнув языком, и для большей убедительности потряхнув пушистой головой, она довольно улыбается. Глаза деда округляются. Он садится на лавочку у подъезда. Люське только это и надо. Лейка брошена, велосипед забыт, а она, отчаянно размахивая руками, начинает рассказывать, что братьев зовут Славик и Володя. Славику семь лет, а Володя уже большой, нынче в четвёртый класс пойдёт. Что едут они с папой и мамой, что будут жить пока у них (это ей особенно

нравится). Она ставит одну ногу на скамью. Шёлковые банты летают во все стороны. Дед, улыбаясь и кивая головой, слушает. Незаметно меняя петли на пуговицах её кофточки, правильно перестёгивая их, он опускает глаза вниз:

– Постой, Люсёк, а где же второй носок у тебя?

Девочка растерянно замолкает на полуслове и тоже смотрит вниз. На одной ноге полосатый носок и сандалик застёгнут, а на другой носка почему-то нет, и ремешок задрался. Пожав плечами, она бормочет:

– Ну, я поехала, дедуля.

– Это в таком-то виде? Опять смеяться будут твои подружки.

Люська, мрачно насупившись, колупает сандаликом асфальт и вдруг замечает краешек носка под ступнёй;

– Да вот же он!

Она быстро снимает сандалик с ноги, садится рядом с дедом и натягивает носок, а потом и сандаля. Дед довольно улыбается.

Дружба у них давняя. Прошлой зимой, когда Люське было три с половиной года, и она заболела воспалением лёгких, дед приходил лечить её. Он доктор. Сидел вместе с мамой ночи напролёт, но выходил Люську. Кризис миновал, а вместе с ним и опасность. Но с тех пор родилась у них дружба.

Дед жил на втором этаже. Он был небольшого роста, сухонький. В их квартире вообще было много врачей. Сын деда, дядя Виталий, – зубной врач, его жена, тётя Оля, тоже врач. Ляля, их старшая дочь, училась в медицинском институте в другом городе, приезжала редко. Вторая дочь Наташа заканчивала школу и тоже собиралась стать врачом. Ходила вся подтянутая, стройная, будто на цыпочках. Лицо и руки у неё были в веснушках. И, несмотря на шаловливую, казалось бы, копну пышных, тёмно-рыжих волос, Люська побаивалась её строгого вида, но терпела из-за деда. Наташа рассказывала, что до войны дед был детским хирургом. А в войну лечил раненых солдат и делал им операции в госпитале.

Гнусины любили Люську за её неугомонность, весёлый нрав, острый язычок, любознательность. Деда она предпочитала всем. Дед был уже на пенсии и лечил детей только в своём доме, по просьбе мамаш, да занимался цветником в скверике.

Придирчиво оглядев со всех сторон свою подопечную, дедушка миролюбиво произносит:

– Ну, ступай, рассказывай свою новость друзьям, – и, посмеиваясь, наблюдает, как маленькая девочка, больше похожая на непоседливого неслуха, изо всех сил нажимая на педали своего велосипедика, торопливо едет по дорожке к песочнице. Там, несмотря на раннее утро, уже копаются двое мальчишек.

Братья приехали

Сквозь сон Люська ощущает перемены. Слышен неестественно радостный бабушкин голос, мягкий воркующий мамин, ещё чей-то незнакомый женский. Диссонансом врывается короткими фразами чей-то басок. Открывать глаза не хочется. Надо натянуть одеяло на голову, отвернуться к стенке и звуки исчезнут. Но тут нога её упирается во что-то мягкое. Девочка настораживается и вдруг вспоминает: братики!

Широким взмахом руки откинув одеяло, она садится на постели и тотчас же натывается на чей-то взгляд. На краю кровати, в ногах, сидит темноглазый мальчик и, приветливо улыбаясь, молча, разглядывает её. Люська напрягается на мгновение. Это Славик?

– Ух ты, пушистая какая!

– Не пушистая, а лохматая! – прищурив заспанные глаза, громко шепчет девочка.

Вот и всё. Дети радостно улыбаются друг-другу. Подходят взрослые. Кто-то тискает её, пытаясь пригладить растрепавшиеся после сна волосы. Это тётя Нина. Сильные руки дяди Алёши подбрасывают Люську под потолок, и что-то в груди её

захлёбывается. Бабушка елейным голоском торопит одеваться. За столом сидит ещё один мальчик, постарше, - Володя, и строго и неодобрительно поглядывает на всю эту возню, но всё это уже не имеет ровно никакого значения для Люськи. Она не сводит глаз со Славика и улыбается, всем своим естественным чувствуя, что теперь, с приездом этого старшего брата, жизнь её изменится и впереди её ждёт только счастье.

«Ишь, чего удумали!»

Тёплый летний дождь весело барабанит по чёрному куполу покачивающегося зонта, брызгами окатывает из-под колёс проезжающих рядом автомобилей. Из окошек кабин выглядывают весёлые смеющиеся лица шофёров. Они что-то одобрительно кричат и машут руками, но ребятам не до них. Люська решила показать Славика город.

Взрослые сидят за столом, шумно беседуют. А дети, тихо выкатив велосипед и прихватив зонтик, отправляются в путешествие. Дождь разогнал детвору по домам, и во дворе никого нет. Девочка объясняет брату премудрости катания вдвоём на одноместном трёхколёсном велосипеде и, немного потренировавшись, они выезжают из ворот.

Воскресенье, машин в городе не так много и ребята смело вырывают на середину дороги. Славик управляет велосипедом, посматривая по сторонам, а сестра стоит сзади. Одной рукой она держится за плечо брата, другой держит зонтик. Стоять просто так нельзя. Надо постоянно переступать с ноги на ногу, потому, что тот металлический прутик, на котором она стоит, крутится вместе с большими задними колёсами и если просто стоять, то моментально подошвы сандаликов съедут вперёд, и ты невольно прыгнешь на асфальт, а прутик больно ударит сзади по ногам. Но всё это уже давно продумано и освоено и, поэтому, Люська спокойно показывает брату

местные достопримечательности. Они поворачивают на большую площадь.

Вот кинотеатр, в котором перед сеансом мультфильмов в буфете продают мороженое в хрустящем поджаренном вафельном стаканчике. Дальше ехать проще, так как машины здесь ездят в одну сторону друг за другом. Вот скверик, где растут кусты жёлтой акации, из толстых стручков которой получают самые громкие свистульки; молочный магазин, который называют, почему-то, лабаз...

Кто-то сигналил, обгоняя их, и дети испуганно оборачиваются. Дядька кричит что-то сердитое в открытое ветровое окно старенького пикапа. Сквер заканчивается и вот он, маленький фонтан «Каменный цветок», который почему-то никогда не работает, но где после сильного дождя можно вдоволь побегать, как по луже и, вымокнув, посидеть на его тёплом, нагретом выглянувшим солнышком каменном бортике, подождать пока высохнет платице.

Девочка увлечена рассказом. Вот здесь, под деревом, они нашли мёртвого птенчика, было очень жалко его. Кто-то принёс маленький лопушок, кто-то лоскуток. Во-о-он под тем кустиком в сквере они щепочкой вырыли ему могилку и похоронили. По-настоящему. Галька даже плакала. А вот там... ой, кто-то зовёт её. Девочка замолкает и теперь уже отчётливо слышит своё имя. Это мамин голос. Они останавливаются и оборачиваются.

Дождик-то уже кончился! Умытые жёлтые трёхэтажные дома улыбаются яркому солнышку и лаковой зелени выкупавшихся в дождевом душе деревьев. По краю асфальта ручейком сбегает прозрачная вода. Проезжающие мимо машины уже не обдают всё вокруг фонтанами брызг. А вон и мамы бегут, размахивая руками. Лица их почему-то испуганы и сердиты. Это не страшно. Но тут Люська замечает в отдалении ещё одну семенящую фигуру, и улыбка сползает с её лица: бабушка. Она тихонько шепчет себе под нос:

– Ну, теперь нам точно поухнет.

Зонтик мягко вываливается из её руки и, покачавшись немного с боку на бок, замирает у её ног. Подбежавшие женщины хватают детей, велосипед, зонтик и быстро переправляют их на тротуар. Слышны фразы: «Куда же вы пропали!» – «Ишь, чего удумали!» – «Как вы нас напугали!» – «Мы всё оббежали!» – «Ну, разве так можно?!»

– Ну, ты дождёшься, паршивка! – бабушка цепко хватается девочку за плечо, рука её подрагивает от негодования, но мама мягко оттирает её плечом и берёт Люську на руки, ни слова не говоря.

Тётя Нина, старшая бабушкина дочь, видно обладает большим авторитетом, чем Люськина мама, потому что после нескольких тихих её слов, девочку оставляют в покое.

Вся процессия отправляется в обратный путь. Славик снова едет на велосипеде, выписывая крендели по тротуару, Люська мягко покачивается на маминых руках, Руки её обнимают мамину шею, золотистая пушистая головка лежит на плече. Сквозь прищуренные глаза и не успевшую пролиться слезинку, она с удивлением разглядывает всё вокруг. Как интересно! От дрожащей капельки на весь мир тянутся радужные лучики. Они вращаются, шевелятся, искрятся. Как красиво!

Но тут девочка вспоминает о шествующим сзади наказании, и тихонько вздыхает: «А за что? Всё было так здорово!» Мама, словно почувствовав тревогу дочери, ласково гладит её по спине. Нет, пожалуй, на этот раз всё обойдётся.

Вечером, уже засыпая, она слышит смех взрослых и весёлый голос тёти, рассказывающей дяде Алёше о дневном происшествии.

Вкусные веники

– Ну, ты не ешь всё-то, оставь и мне! – слышится из кухни возмущённый шёпот.

– Да подожди ты, тут полно ещё, хватит, – рот говорящего явно полон чем-то.

На кухне никого нет. Но в дверную щёлку кто-то поглядывает. Девочки спрятались за дверью, слышится нетерпеливая возня, шорох:

– Ну, Томка, я тоже попробовать хочу-у-у. Давай, поставь его посередине, всё равно никого нет.

– Ах, вот вы где, негодницы! – грозный голос бабушки пригвоздил Люську к полу. Она сидит на корточках, сжавшись в комок, и испуганно таращит глаза.

– Что вы тут делаете? – подозрительно спрашивает бабушка.

Томка торопливо что-то поглатывает и бесстрашно встаёт, загоразивая подружку:

– Веники жуём!

Бабушка изумлённо открывает рот. В руках у соседской девочки действительно новый веник. Она спокойно поясняет:

– На новом венике всегда много семечек, видите? И они очень вкусные, попробуйте!

Веник весь усыпан коричневыми тугими глянцевыми семечками. Томка суёт веник под нос бабушке. От возмущения бабушка теряет дар речи. Она отталкивает веник и пытается дотянуться до спрятавшейся внучки. Хватает её за руку и, грозно бормоча что-то себе под нос, тащит её в комнату. Из-за закрытой двери раздаётся звонкий шлепок и Люськин отчаянный рёв.

– Вот мать придёт с работы, я всё ей расскажу!

Девочка затихает. Она задумывается, почему бабушка всегда грозит рассказать всё маме, а сама ничего ей не рассказывает? А хорошо бы рассказала, может, тогда было бы понятно, чем недовольна бабушка?

Малышка разжимает стиснутую ладошку. Несколько слипшихся семечек перекочёвывают в рот. «И ничего они не вкусные. Скользкие, попробуй ещё, раскуси», – огорчённо всхлипывая, думает девочка.

Настоящий выходной

Мама говорит, что скоро праздник, Новый год. Люська сидит на деревянных саночках, боком привалившись к спинке. Правая рука в варежке свесилась вниз и чертит узкую бороздку в пышном снегу. Варежка уже намочла и разбухла от снега, и пальчики начали замерзать, но девочка почти не замечает этого. Неяркое декабрьское солнышко прибавляет хорошего настроения.

Сегодня у мамы выходной и они направляются в гости к маминной подруге. Люська помнит, как давно-давно, – тогда за окном тоже лежал снег, – в комнате появилась нарядная ёлочка. Свет выключили и зажгли на ёлке маленькие свечки. И в колеблющемся свете их пламени таинственно поблёскивали стеклянные игрушки и бусы.

На следующий день они с мамой разглядели все игрушки. Больше всего Люське понравился жёлтенький самоварчик с очень тонким и, наверное, очень хрупким краником и ручками. Мама взяла дочку на руки и разрешила потрогать его. Маленький пальчик осторожно ткнулся в кончик краника. Ну совсем как настоящий.

Рядом висел зелёно-голубой большой шар с облупившейся местами тусклой краской. Люська неосторожно повела рукой и вдруг, он мягко соскользнул с еловой лапки и тяжело грохнулся на пол. Девочка испуганно поглядела на маму, но она улыбалась. Шар не разбился. Когда его подняли и положили в маленькие ладошки, Люська почувствовала, какой он тяжёлый. Мама объяснила, что он сделан из очень толстого

стекла и поэтому не бьётся. Что эти игрушки живут у них очень давно и висели не ёлке ещё тогда, когда мама и даже бабушка были маленькими.

Но тут смутные воспоминания, казавшиеся сном, внезапно, вместе с Люськой, оказываются в сугробе. Смеющаяся мама ставит дочку на ноги и тёплой ладонью вытирает ей лицо от снега. Красное плюшевое зимнее пальтецо, которое все называют почему-то капюшоном, всё в снегу. Мама варежкой, шутя, будто бьёт её, легко стряхивает с него пушистый снег и снова усаживает дочку на санки.

– Мам, а у нас ведь уже была ёлочка, помнишь?

– Помню. Но Новый год приходит каждой зимой и каждую зиму в доме наряжают к празднику ёлку.

Сердечко у девочки радостно стучит:

– А самоварчик мы снова повесим на ёлочку?

– Самоварчик? Ты помнишь самоварчик? Удивительно! Я не думала, что ты вспомнишь прошлый Новый год, ты так сильно болела! – мама внимательно смотрит на дочку:

– А что ещё ты помнишь?

– Ещё помню шарик, тяжёлый очень, как он упал тогда. Я испугалась.

– А деда Мороза под ёлочкой помнишь?

Люська напряжённо морщит лоб:

– Нет, не помню.

– Мы с тобой сами будем делать ёлочные игрушки, хочешь?

Глаза у девочки блестят. Кто же не захочет этого! Мама, пятясь, и руками взявшись за верёвку санок, рассказывает, что на новогодний праздник дети наряжаются в карнавальные костюмы и водят вокруг ёлочки хороводы, а потом получают от Деда Мороза подарки.

В груди у Люськи поднимается тёплая волна восторга. От нахлынувших чувств она ни слова не может вымолвить и вдруг выпаливает:

– Мам, ты у меня самая красивая!

Мама весело смеётся. Кажется, она всё-всё понимает. Мама у Люськи и вправду красивая. Высокая, стройная пышноволосяя.

Повернувшись, она быстро зашагала по тротуару. Люська весело посматривает на её белые валеночки с каблукчиками. Они с секретом. Там, в валенках, спрятались новые красивые туфельки. Люська представляет, как мама снимет валеночки, запустит в них руку и вытащит одну за другой обе туфельки, наденет их и они с тётей Ниной, Маринкиной мамой, будут крутиться возле зеркала, ахать и щебетать. Дома она такой весёлой не бывает.

Бабушка сшила к празднику маме новое платье, и его тоже надо показать подружке. Маринка ещё маленькая и с ней не очень интересно. Девочки поиграют немного, а потом Анна Андреевна, Маринкина бабушка, напоит их вкусным чаем с хрустящим сахарным печеньем, которое печёт сама.

Люська любит бывать у них. Ей нравится разглядывать множество фарфоровых статуэток, расставленных на комоды и в шкафчики под стеклом. Особенно красива сидящая балерина, наклонившаяся к вытянутой ножке и касающаяся изящными руками балетной туфельки. Второй ножки не видно, она спрятана под пышной перламутровой юбочкой – пачкой. Трогать фарфоровые фигурки категорически запрещено, а так хочется заглянуть и увидеть подогнутую ножку. Дома Люська пробовала на полу принять позу как у этой балерины, но вот беда, она не знала как правильно подогнуть вторую ногу и от этого у неё болела и спина и вытянутая нога. Фарфоровой балерине было не больно, это было видно, личико у неё было спокойным и мечтательным.

И ещё одну фигурку любила она разглядывать. Девочка в красном пальто и шапочке, отороченными белым мехом, и с белой меховой муфточкой стояла, красиво наклонив головку, а на вытянутой руке у неё сидела маленькая яркая птичка. Ножки её, обутые в невиданные сапожки, утопали в снегу.

Люська представляла, что это Герда. Мама недавно прочитала ей сказку «Снежная королева».

Люська скоро и сама будет читать длинные сказки. Бабушка вслух читать не любит, а мама часто занята на работе, поэтому она учит дочку читать и даже записала её в детскую библиотеку недавно. Тётя в библиотеке удивилась и не поверила, что малышка уже читает. Пришлось прочитать ей вслух сначала «Муху – цокотуху», а потом ещё стихи какие-то трудные. Только после этого она записала Люську в тетрадь и выдала ей читательский билет. И ещё долго недоверчиво качала головой, узнав, что девочке четыре с половиной года.

Девочка уже напилась чаю и теперь ждёт терпеливо маму, она всё никак не наговорится. Клонит в сон, но спать нельзя, а то мама не станет заходить в библиотеку. Они захватили с собой книжки для обмена.

Наконец они выходят из подъезда и, обогнув Маринкин дом, выходят на улицу. Детская библиотека как раз в их доме, на первом этаже. День уже клонится к вечеру, зимой вечер наступает быстро. Синие косые тени лежат на снегу. Солнышко уже розовое, а не жёлтенькое. Люська торопится, бежит впереди мамы, боится, что двери уже закрыты, но, схватившись за большую деревянную ручку и дёрнув её изо всех сил, она облегчённо вздыхает: открыто. Подоспевшая мама помогает справиться с огромной тяжёлой дверью.

Люська бегом преодолевает широкий вестибюль и, открыв, уже самостоятельно, ещё одну большую застеклённую дверь, с удовольствием вдыхает чудесный неповторимый запах большого помещения, целиком заполненного книгами.

Быстро справившись с пуговками капюшона и бросив пальтецо на стоящий у стены стул, она, схватив небольшую широкую скамеечку, уверенно направляется к полкам с книгами для малышей. Всё, теперь мамина очередь терпеливо дожидаться, когда дочка, неторопливо перебрав все стопочки, выберет для себя четыре книжки. Вообще-то столько книг сразу выдавать

нельзя, но тётянка библиотекарь, поговорив с мамой, разрешила им брать четыре тоненькие книжки для Люськи, и одну, потолще, для чтения вслух с мамой.

Девочка аккуратно перебирает книжки, примечая новые, которых не было в прошлый раз. Мама о чём-то тихо разговаривает с библиотекаршей, пока та не спеша принимает прочитанные уже книги. Здесь нельзя разговаривать громко и это, почему-то, очень нравится. У библиотекарши очень трудное имя, Люська никак не может его запомнить.

Наконец выбор сделан, и тихо соскользнув со скамеечки, прижав к животу тонкую стопочку и шаркая валенками по паркету, она торжественно вручает книги маме. Пока не спеша надевается и застёгивается красное плюшевое пальтишко, натягивается и завязывается коричневая цигейковая шапка, завязывается шарф и надеваются успевшие высохнуть на батарее у Анны Андреевны варежки, книги записываются в карточку и аккуратно укладываются в мамину чёрную сумку.

На улице уже темно. Неяркий свет уличных фонарей освещает горы снега на краю тротуара. Лёгкий морозец берётся сразу же за дело и начинает пощипывать щёки. Люське это нравится. Она садится на санки, берёт на колени сумку с книгами и они торопятся домой. В тёмных домах ярко горят окна и можно представить себе кто и как там живёт. А вот и их дом, но их окно почему-то тёмное, дома никого нет. И тут Люська вспоминает, что бабушка сегодня на занятиях. Два раза в неделю она ходит на курсы кройки и шитья. Вернётся поздно. Ура! Сегодня настоящий выходной и вечер можно провести вдвоём с мамой.

Первая Ёлка

Предновогодний вечер тянется невыносимо долго. Люська изнывает на высоком табурете. Ухватившись за края сиденья руками и опершись туфельками о перекладину, она раскачивается из стороны в сторону, взад и вперёд.

На ней новое нарядное платьице, сшитое из желтоватого, сливочного оттенка, кружева. Зеленоватая атласная ленточка оторачивает кокетку и завязывается красивым бантиком сбоку, почти у рукавчика-фонарика. Такой же ленточкой перехвачена и длинная пышная коса. Платье бабушка перешила из маминей кружевной блузки. Получилось очень красиво. Бабушка это называет «простенько и благородно».

Люська уже искрутилась возле зеркала и чтобы она не испортила наряда, её посадили в центре комнаты на табурет. Ну когда же за ней придёт Наташа?! Люська приглашена на ёлку к Гнусиным.

Несколькими днями раньше, Наташа принесла красиво разрисованное приглашение. Там был указан день и час новогоднего праздника. Спешно стал обдумываться наряд, и решено было из поднадоевшей маминей блузки перешить дочке нарядное платьице. Ещё сегодня утром подшивался пышный подол, пришивалась сзади красивая пуговка-бусинка и промётывалась петелька.

«Ну, когда же?! Ну, скоро ли?!» – Люська с трудом выслушала бабушкины наставления о том, как надо вести себя в гостях. Они с мамой тоже волнуются, ведь Люська будет там одна, без них.

И вот, когда девочка уже начала думать о том, что про неё забыли, раздался стук в дверь. На пороге стояла Наташа, но какая...!!! Люська оторопела. Сияющее раскрасневшееся лицо Наташи было обрамлено пышным ореолом каштановых, медного оттенка волос, усыпанных блёстками и разноцветными конфетти. Блёстки покрывали и розовое прозрачное платье на

белом чехле. Капроновая ткань была выстрочена белыми шёлковыми узорами, юбочка топорщилась колокольчиком вокруг тоненькой талии и длинных ножек в нарядных белых туфельках. Открыв рот, Люська замерла на своём насесте. Довольная произведённым впечатлением, Наташа заулыбалась. Бабушка, рассыпаясь в комплиментах, спрашивала, кто сшил ей платье и где они взяли такой отрез с купоном. Наташа вежливо ответила на все вопросы. Мама тем временем сняла онемевшую дочку с табурета и подвела к госте.

Люська не помнила, как они очутились на втором этаже. Дверь открыли. В квартире было шумно, повсюду толкалось много гостей, в основном друзья и подруги Наташи. Суетилась, бегая из залы на кухню, кругленькая нарядная тётя Оля, Наташина мама, Наташу тут же подхватили девочки и куда-то увели. Люська стояла в дверях залы и заворожённо глядела на высокую, под потолок, ёлку, стоявшую в центре. Огромный дядя Виталий подхватил её на руки и понёс посмотреть поближе.

– Нравится? – гудящим баритоном спросил он.

Ёлка была густо украшена яркими стеклянными игрушками, бусами, разноцветными флажками. На ветках лежали лёгкие, как пёрышки кусочки ваты, посыпанные блёстками. Сверкали и переливались ниспадавшие длинные нити серебристого дождя.

Что-то привлекло внимание девочки. На ниточке, совсем рядом, болталась конфета «Ну-ка, отними». Рука сама потянулась к конфете, но вспомнив строгие наставления бабушки, Люська вовремя отдернула её. Знакомая сухонькая рука потянулась следом к той же конфете и сняла её с ветки. Дедушка! Обернувшись, малышка увидела ласковое улыбающееся лицо дедушки Гнусина.

– На-ка тебе первый гостинчик!

Дедушка! Люська начала отгаивать. Дедушка сел в большое кресло, посадил любимицу на колени и развернул конфету:

– Ешь-ешь!

Таких конфет Люська ещё не ела, только фантик такой видела у девочки из соседнего дома. Вку-у-усно! Шоколад таял на губах, и сердечко девочки таяло вместе с ним. Она уже не обращала внимания на незнакомых взрослых детей. Малышей, кроме неё, больше не было, она это заметила. Но рядом был любимый дедушка и внимательные взрослые. Подошла тётя Оля, попросила покружиться, показать платице. Сказала, что Люська красавица и что у бабушки «золотые руки». Дедушка добавил, что к ним на праздник прилетела маленькая фея – Милочка! Только он так называл её ласково!

Но тут все начали, смеясь и толкаясь, выстраиваться в хоровод. Сейчас что-то начнётся, – поняла маленькая гостя. Ей тоже нашлось место в хороводе, между Наташей и каким-то незнакомым мальчиком. Зазвучала музыка, это тётя Оля села за фортепиано, и все громко, весело дурачась, запели песню «В лесу родилась ёлочка». Люська вдруг поняла, что она тоже знает эту песенку и тихонько запела вместе со всеми: «Зимой и летом стройная зелёная была». Потом спели другую: «Маленькой ёлочке холодно зимой...». Как хорошо, что мама научила её этим песенкам. Совсем осмелев, выводила старательно мелодию и «маленькая фея». Потом всё закружилось: громкими криками все вместе зажигали ёлку, и когда она вспыхнула разноцветными огоньками, Люська словно ошалела от радости, бегала и танцевала внутри хоровода под одобрительные весёлые крики и аплодисменты старших. Она и не заметила, что куда-то исчез дедушка.

Вдруг весёлая возня затихла. В залу вплыла Наташа в костюме Снегурочки. Люська, открыв рот, замерла на месте и не сводила с неё восторженного взгляда. Снегурочка что-то говорила, красиво поводя руками, потом все почему-то начали громко звать Дедушку Мороза. Люська в этом не участвовала, она стояла остолбеневшая, пощипывая свои растопыренные пальчики. Пришёл Дед Мороз в красивом длинном синем бархатном кафтане, в валенках, с пышной белой бородой и

бровями из ваты, совсем не страшный, с удивительно знакомыми глазами и, стуча большой палкой, незнакомым голосом поздравил всех с Новым Годом. Снегурочка тоже что-то говорила. Потом по ковру на санках вывезли красный мешок с подарками. Люська поняла, что за подарок надо было что-то спеть или рассказать Деду Морозу. Но когда его ласковые глаза остановились на ней, она быстро спряталась за тётю Олю. Другие старшие дети и взрослые стали охотно выступать и получать подарки. Шуршащие прозрачные пакеты, набитые красивыми конфетами, расходились по рукам, и девочка вдруг испугалась, что ей не достанется подарка. Она расхрабрилась и сделала шаг вперёд. Тут же Дед Мороз обратил на неё внимание.

Люська растерянно обернулась: «Где же спаситель дедушка?», – но его нигде не было видно и, поняв, что отступить некуда, она подошла к Деду Морозу.

– Он к бровям моим прирос, он залез мне в валенки,

Говорят, он – Дед Мороз, а шалит, как маленький. – робко начала она.

Дед Мороз ухом наклонился к ней и одобрительно улыбнулся в усы. Люська вдруг оробела, начала накручивать на кулачок кружевной подол. Все замерли в ожидании. Делать было нечего:

– Он испортил кран с водой в нашем умывальнике,

Говорят он с бородой, а шалит – как маленький.

Дед Мороз потянулся к мешку с подарками и Люська радостно, нараспев, громко закончила:

– Он рисует на стекле звёзды, пальмы, ялики.

Говорят ему сто лет, а шалит – как маленький!

Она шумно вздохнула и все засмеялись и громко захлопали. В её руки опустился увесистый пакет. Счастью девочка не было предела. Она радостно улыбалась, оглядывая всех, словно призывала порадоваться вместе с нею. Дед Мороз почему-то сморщил свой нос, потёр бархатной синей рукавич-

кой глаза и снова полез в мешок. Оттуда появилась игрушка, – пластмассовая куколка, одетая в яркий двухцветный комбинезон Петрушки. На шапочке, на шёлковом шнурочке болтался пластмассовый помпончик. Люська удивлённо вскинула бровки. И это ей? Она чмокнула куколку и крепко прижала к себе.

Сидя в уголке большого кресла, маленькая четырёхлетняя девочка разглядывала лежащий на коленях пакет. На груди разных конфет, сверху, лежала маленькая плитка шоколада, а рядом важно топорщилась оранжевыми боками пара мандаринов. Старшие дети танцевали, шутили, шуршали фантиками разворачиваемых конфет, а Люська вдруг почувствовала, что устала и хочет к маме.

Пришёл откуда-то дедушка, сел рядом. Девочка благодарно прижалась к нему. Дедушка понял и повёл малышку домой. Бабушка охала и ахала, увидев подарки, но Люська, то ли от долгого дневного ожидания, то ли от пережитых волнений и ярких впечатлений, не слышала больше ничего. Она крепко заснула, попав на руки к маме, и не чувствовала как та, осторожно сняв нарядное платьице и ласково поцеловав дочку в жаркую розовую щёчку, уложила её в постель.

Пирожки

Из коридора в комнату прорывается вкусный запах жареного лука. Бабушка склонилась над шитьём и не обращает внимания на внучку. Люська сидит на широком подоконнике, закутанная в старую мамину вязаную кофту, ждёт маму с работы. Скучно, и хочется есть, но бабушка говорит, что ужин будет, когда придёт с работы мама. Значит надо потерпеть.

В комнате полумрак. Горит лампа на столе, освещая швейную машинку, кусок синего шёлка в белый горошек, бабушкины нервные руки и нахмуренное лицо.

Девочка переводит взгляд на стену. В простой деревянной рамке над маминой кроватью висит вышитая её руками небольшая картинка. Весёлый улыбающийся клоун с рыжим чубчиком и торчащим из подмышки сложенным зонтиком весело поднял ногу в большом смешном башмаке, готовый сделать шаг. Куда? Люська об этом часто размышляла, особенно когда ей было грустно. И разговаривала с ним мысленно, и он успокаивал и веселил её. Но не сейчас.

Люська вздохнула и перевела взгляд ниже, на довольно большой прикроватный ковёр, вышитый бабушкой. На чёрном плотном сукне цвели алые маки. В центре большой букет маков, а по краям вычурные гирлянды с маками, колосками, васильками и какими-то ещё мелкими пёстрыми цветами. Все, кто видел этот коврик, восхищались им, а бабушка, скромно опустив глаза, пожимала плечами, словно говоря: «Что ж такого, вышила и вышила». Но по всему было видно, что ей очень приятна похвала.

Когда же придёт мама? Она бы давно уже пришла домой, но сегодня у неё занятия в женском кружке. Она учится вышивать на швейной машинке. Это называется ришелье. Люське приятно поизносить это слово. Она переводит взгляд на белые оконные занавески, до половины закрывающие окно. Это первая мамина работа. Люська рукой расправляет занавески. Вот здесь мама сделала ошибку. Этот листик надо было расположить подальше от вертикальной прорезной дорожки. Но так даже лучше, она так и сказала маме. Мама тогда расцеловала и растормошила дочку.

В их семье все женщины рукодельницы. Люська, когда вырастет, тоже научится вышивать, шить и вязать. Сейчас всё это ей кажется скучным, но когда работу заканчивают, то получается такая красота, от которой глаз не отвести. Это или платье, или блузка с вышивкой – мережкой, или подзор для кровати, или вязаное покрывало.

Девочка тихонько сползает с подоконника на круглый венский стул, потом, на пол и неслышно выскальзывает в коридор.

На кухне слышны голоса соседей, а вкусный запах становится нестерпимым. На плитке шкворчит чёрная чугунная сковорода, на которой жарятся пирожки с картошкой. За столом сидят дядя Вася и Люда, ровесница-подружка, едят и весело переговариваются о чём-то. Разговор активно поддерживает тётя Настя, мама Люды, маленькая говорливая толстушка. Люська нерешительно останавливается в дверях, и тут же раздаётся добродушный хриплый басок дяди Васи:

– Ну, чего ты там застряла? Проходи, садись.

Тётя Настя приветливо машет рукой в направлении стола. В руке зажата тряпка. Она решительно хватает горячую сковороду тряпкой и, быстро накалывая вилкой пирожки, стряхивает их на большую тарелку.

Люська, не дожидаясь второго приглашения, быстро садится на табуретку рядом с Людой. Дядя Вася тянется рукой к резной деревянной горке над столом, достаёт небольшую тарелку и ставит перед гостьей. Тётя Настя шлёпает на тарелку два румяных пирожка. Люда подвигает подружке поллитровую банку томатного соуса «Южный» с торчащей из неё большой алюминиевой ложкой, но Люська мотает головой, она не любит томатный соус.

Наклонив голову к тарелке, она с удовольствием вдыхает сладкий аромат жареного лука, осторожно подвигает пирожок к краю тарелки и закусывает его зубами. Но с первого раза не получается и подув несколько раз на него, она, осторожно придерживая пальчиками пирожок за румяные бока, снова вонзает в него зубки. Из надкусанного пирожка вырывается струя горячего душистого пара. Люська счастливо жмурится. Старенькая вытертая клеёнка с голубыми цветочками кажется ей красивой скатертью. Молочного оттенка тарелка со щербинкой – лучшей в мире.

Люда, переглянувшись с матерью, покровительственно улыбается подружке. Все чему-то радуются. Тётя Настя выкладывает на сковороду новую партию настряпанных пирожков, вытирает мучные руки о фартук и присаживается за стол. Как домовитая наседка, она радуется, видя, с каким удовольствием её семья поглощает стряпню.

Сняв подрумяненные пирожки, она отставляет сковородку в раковину и открывает кран. От холодной воды сковородка недовольно шипит и во все стороны плюётся жирными брызгами. Электрическая плитка пышет жаром, спираль раскалилась докрасна. Тётя Настя, вытерев тыльной стороной руки лоб, брякает на плитку запотевший коричневый эмалированный чайник с широким дном и тонким изогнутым носиком.

В дверях кухни появляется смущённая мама и укоризненно глядит на Люську. Не дав сказать ей ни слова, соседи наперебой приглашают её к столу. Но мама, приветливо улыбаясь, говорит, что они тоже сейчас будут ужинать.

Сытая Люська сползает с табуретки и, не испытывая ни малейшего смущения, идёт следом за мамой в комнату.

Вот так подружки!

Люде купили новую куклу, большого пластмассового пупса. Налив в тазик холодной воды, и взгромоздив его на табурет, она купает голыша на кухне под завистливыми взглядами соседских девочек.

Люська и Томка стоят, чуть ли не в дверях, и даже не пытаются подойти ближе, натываясь на суровый нахмуренный взгляд счастливицы. Наконец Томка решается и делает два шага в направлении табуретки. Тотчас же Люда занимает оборонительную позицию и загораживает тазик собой. Люська, возмущённая непонятым поведением подружки, тоже подходит и встаёт рядом со старшей соседкой. Томка миролюбиво

просит показать куклу, хоть издалека, но Люда грозно мотает головой и, растопырив руки, загораживает своё сокровище.

Всё! Терпение девочек иссякло! Словно сговорившись, они медленно обходят табурет с двух сторон.

– Жадина-говядина, – ядовитым голосом громко шепчет Томка и хватает голыша за пластмассовую руку. Люда молча, стиснув зубы, пытается оторвать Томкину руку от куклы. Люська приходит Томке на помощь и хватает за руку Люду.

Не ожидая нападения сразу с двух сторон, Люда яростно сопротивляется. Голыш повисает над тазом, растянутый за руки на вытянувшейся пёстрой резинке. Хлоп! Резинка обрывается, и кукла с громким всплеском шлёпается в таз! Онемевшая Томка замирает, держа в руке оторванную кукольную руку с болтающейся резинкой.

Люда неожиданно поворачивается и вцепляется зубами в Люськино запястье. От сильной боли Люська отчаянно визжит. Сбегаются все соседи, и начинается тарарам. Ни в чём, толком, не разобравшись, родители хватают девочек и уводят по комнатам. Люське, как пострадавшей стороне, достаются сочувственные взгляды и ком ваты с зелёнкой, от которой вопли возобновляются с новой силой и долго ещё доносятся из-за закрытой двери её комнаты.

На кухне в тазу лежит пластмассовый уродец и равнодушными нарисованными глазами глядит в никуда.

В комнате мама дует изо всех сил на вспухшую прокушенную руку дочки, подмазывая её зелёнкой, и, чтобы утешить Люську, обещает после зарплаты купить ей такую же куклу. Но странно, от этой новости слёзы у девочки не высыхают, а плач из отчаянного переходит в горький. Девочка, захлёбываясь от слёз, изо всех сил мотает головой. Ей не нужна больше такая кукла.

Бабушка, недоумённо пожав плечами, отходит в сторону. А из-за другой двери доносится громкий басовитый рёв Люды. Её наказали за жадность.

Что такое темнота?

Темнота крошечная. Люська сидит на свёрнутых половичках, обняв руками колени, и крутит головой во все стороны, пытаясь широко раскрытыми глазами ухватить хоть что-то. Рядом, касаясь плечиком Люськиной руки, сидит Люда, но и её не видно совсем. Люська нащупывает кудряшки соседки, чувствует, что она повернула голову, но всего этого не видно и Люську это удивляет и озадачивает.

Томка затащила девочек в тёмную кладовку и рассказывает страшные истории. Она, как артистка, рассказывает историю в лицах. То громким и страшным голосом, то робким шёпотом, то повествовательным, от имени рассказчика. Люда ахает и повизгивает, ей страшно и любопытно.

А Люську больше занимают новые неведомые ощущения. Она понимает, что в темноте можно не только нащупать то, что тебя окружает, осторожно прикасаясь руками, но и слушать звуки. А их оказывается довольно много. Кроме переливов Томкиного голоса можно различить шорохи, шарканье тапочек по полу, тихий шелест репсовой ткани Люськиного платица. Она чувствует, что слева что-то находится и пытается вспомнить, что там стоит. А ещё можно уловить лицом лёгкое дуновение воздуха от взмахов жестикулирующих рук рассказчицы.

А за этими внешними звуками проступают и вовсе, какие-то незнакомые. В голове возникает гулкая пустота, наполненная, тем не менее, чем-то. Чем? Люська пытается сосредоточиться на этом, но Томкин строгий голос выводит её из этого состояния.

– Тебе что, не интересно? – вопрошает она, не слыша в темноте Люськиного испуганного голоса.

Люська огорчена, что её исследования прервали. Она молча встаёт и разглаживает ладошками платье. Затем делает уверенно четыре шага в сторону двери и толкает её рукой.

Ковёр? Ковёр!

«Опоздала, опоздала», – стучит в Люськиной голове. Размахивая изо всех сил руками, она бежит к своему подъезду. Помятое ситцевое платье путается в коленках и мешает развить приличную скорость. Толстые растрепавшиеся косы тяжело хлопают по спине, развязавшиеся шёлковые банты развеваются во всю длину.

Валю, соседку, послали в магазин за хлебом и она, на бегу, сообщила, что в парадном сейчас дяденька будет рисовать ковёр с оленями для Дневаловых. Ребята уже собрались все, а её вот, некстати, отправили в булочную.

Запахавшись, Люська дёргает ручку двери и оказывается в подъезде. На площадке столпотворение. Собралась не только детвора, стоят и трое взрослых. Все друг из-за друга заглядывают куда-то вниз. Девочка в растерянности пытается протиснуться вперёд, но куда там! И тут её осеняет:

– Пустите меня, мне домой надо! – кричит она громко.

Неохотно расступаясь, её всё-таки пропускают к двери. Протискиваясь вперёд, она замечает на полу расстеленный кусок белой ткани, кажется это простыня. Какой-то вихрастый дяденька склонился над своей котомкой и вынимает из неё куски плотной бумаги, все измазанные краской. Возле стенки стоят в ряд баночки с краской и несколько грязных кисточек.

Открыв дверь своей квартиры, Люська скрывается за ней. На кухне, куда она забегает попить воды из крана, возится тётя Настя. Она колдует над своими закопченными алюминиевыми кастрюлями, и пока девочка пьёт, весело рассказывает ей, что теперь и у них будет над кроватью красоваться ковёр. Простыню она выделила, рисунок выбрала.

Люське жалко, что она не видела этих рисунков. Потоптавшись ещё немного на кухне и послушав разговоров довольной соседки, она решает, что теперь уже можно выглянуть и на площадку.

На скрип открывающейся двери обернулся дяденька художник и, увидев пигалицу, весело подмигнул. Люська расплылась в улыбке и осмелела.

– А хотите, я вам водички принесу попить? – задорно спросила она.

– Ну, принеси, – спокойно улыбнулся дяденька. Лохматая головка девочки мгновенно скрылась за дверью и минутой позже появилась опять:

– А тётя Настя квасу Вам послала, – и осторожно, двумя руками, протянула ему большую синюю эмалированную кружку

Дяденька взял кружку, неторопливо вытянул всё содержимое и, возвращая кружку обратно, не удержался и потрепал Люську по пушистой головке:

– Ну, спасибо тебе.

Люська хмыкнула удовлетворённо. Вот так всегда. И почему всем нравятся гладить эти лохматые волосы?

Подружка Люда, на правах будущей хозяйки ковра с оленями, стояла рядом с расстеленной простыней и сердито – завистливо поглядывала на соперницу. Люська заметила это, и чтобы закрепить свой успех, спросила вежливо художника:

– А как Вас зовут?

– Меня-то? А зови дядей Жорой.

Вытащив карандаш из нагрудного кармана вельветовой тужурки, он опустил его на колени и, расправив ткань, стал что-то на ней помечать. Люська хотела задать ещё вопрос, но увидев, что дядя Жора углубился в размышления, решила, что разговоров пока хватит, и стала, как все, пристально следить за разворачивающимся действием.

Запах краски щекотал нос, отовсюду слышалось мерное сопение. Кто-то, безнадежно простуженный, поминутно шмыгая, безуспешно пытался поддёрнуть, норовивший выскочить из носа прозрачный ручеек Нетерпеливо шаркали по цементному полу сандалии.

А дядя Жора священнодействовал. Люда уже тоже сидела на корточках и придерживала рукой кусок картона, который художник приладил по меткам в нижнем левом углу простыни. Обмакнув кисть в жёлтую краску, он, не спеша, аккуратно стал промакивать ткань, проступавшую в прорезях углового картона. Когда картон был снят, на простыне появился причудливой красоты витиеватый аккуратный узор. Все ахнули.

Так, неспешно, были прорисованы узоры на всех углах большого полотна. Потом угловые узоры соединились такими же аккуратными красивыми дорожками между собой, и оказалось, что это уже не простыня, а взятый в рамку большой холст. Зардевшись от удовольствия Люда, блестящими глазами рассматривала узор.

Закончив оформление края, дядя Жора положил кисть в банку с чем-то остро пахнущим, сунул карандаш за ухо и полез в карман за папиросами. Все выдохнули и загалдели, обсуждая увиденное. Люська тут же приступила к нему с вопросами и узнала, что эти грязные картонки называются трафаретами, Что узоры он придумал и вырезал сам, а иначе, какой же он художник? А что дальше будет, – сама увидит и, вообще, «любопытной Варваре на базаре...» и так далее. Ответами Люська удовлетворилась и миролюбиво переглянулась с будущей хозяйкой ковра. Вот повезло ей! Воспользовавшись передышкой, она скрылась за дверью, чтобы сообщить Людиной маме последние новости.

На кухне бабушка моет в раковине картошку и о чём-то разговаривает с соседкой тётей Настей. Строго оглядев влетевшую на кухню внучку, с порога начавшую рассказывать какую красоту рисует дядя Жора, бабушка велит ей идти в комнату. Люська обескуражена. Почему? Нет, она ещё пойдёт на площадку смотреть на ковёр. Но бабушка берёт её мокрой рукой за плечо и легонько выталкивает в коридор.

– Безвкусица, – тихо шепчет она любимое словечко, идя следом.

Но Люська вдруг взрывается:

– Нет, это красиво! – кричит она громко, и слышит из кухни весёлый смех тёти Насти.

Бабушка в ярости цепко хватая девочку за ухо и, запихнув в комнату, толкает её за кровать, в угол.

– Сколько раз тебе можно говорить, что взрослых перебивать нельзя, – негромко, но с угрозой в голосе говорит она.

Девочка озадачена. Оказывается, её наказали за это? Нет, что-то здесь не так, она чувствует это, и, морща лоб и потирая ухо, долго послушно стоит в углу, пытаясь разобраться в произошедшем. Когда бабушка вновь вернулась в комнату, тихо и сдержанно Люська попросила прощения, сказав, что больше никогда не будет перебивать взрослых.

...А на простыне уже красовался в центре большой коричневый олень. Он стоял на зелёном холме, горделиво подняв к голубому небу ветвистые рога. Поодаль щипали травку красивый оленёнок и его мама. Дядя Жора прорисовывал зелёные листики на ветках кустарника. Вдали высились скалистые горы.

Зрителей уже заметно поубавилось. Кого-то позвали домой, кому-то всё это наскучило и он ушёл сам. Люська горестно вздохнула.

Заболела

Кажется ночь. В комнате полумрак, горит завешенная кружевной салфеткой настольная лампа. Люська не видит её, но и от этого неяркого света режет глаза, и глаза закрываются. Плохо. Кто-то стонет. Тут же девочка почувствовала прохладную мамину руку у себя на лбу. Ой, как хорошо. Мама что-то спрашивает. Оказывается, это стонала Люська. Фу, рука уже горячая. Плохо. Не надо. Девочка мотает головой. Не открывая глаз, приподнявшись, послушно, но скорее не помня, гло-

тает с трудом какую-то горечь из ложки и делает глоток воды из стакана. Плохо. Морщится от оставшихся горьких крошек таблетки во рту, но попросить ещё воды не может. Спать.

Кажется день. Горячие глаза открывать не хочется. Болят и слезятся. Плохо. Кто-то тихо подходит. Мама. Почему она не на работе? Дали выпить таблетку. Запила чем-то сладким. Компот из банки? Хорошо. Почитать книжку? Нет, не надо. Кушать? Зачем? Спать. Спать.

Кто-то осторожно заворачивает сорочку, к телу прикасается что-то прохладное.

– Деда, – тихо шепчет девочка и пытается улыбнуться.

– Я сейчас послушаю тебя, детка, а потом сделаю укол. Не будешь плакать? – спрашивает он ласково.

Конечно, нет. Разве может дедушка сделать плохо? Спать. Спать. Спать...

– Что, уже утро? – доносится громкий удивлённый голос Люськи.

– Нет, скоро вечер, – улыбаясь, подходит мама.

– Как вечер? Я что, проспала целый день?

– И не один. Кушать хочешь?

– Очень. А ты что, не на работе?

Спустя четверть часа Люська торопясь с наслаждением прямо в кровати ест горячую куриную лапшу. Потом котлетку с картошкой и компот с грушами из банки, любимый, купленный мамой. В дверь просовывается голова соседки тёти Насти:

– Ну что, оклемалась что ли? – весело воркует она. – На-ка беляшика, горяченького. На тарелке лежат румяные круглые мясные беляши.

Люська любит моменты выздоровления. Всеобщее внимание и забота причиной этому. Даже бабушка мягким голосом разговаривает с ней. Мама обязательно покупает что-то вкусненькое, а главное, девочка уже заприметила на стуле возле кровати новые книжки. Вечер предстоит долгий и интересный.

«Оклемалась»

Весна. Под окнами высох кусок тротуара и целый день там галдят девчонки. Мелом чертят классики, бросают тяжёлые биты и прыгают до одурения, громко топя и шаркая войлочными ботиками на резиновой подошве. Временами вспыхивают ссоры, когда кому-нибудь покажется, что чья-то нога заступила за черту.

Люська висит на подоконнике и наблюдает, пытаясь вникнуть в правила игры. Она ещё не умеет далеко прыгать, да и на одной ноге подпинывать биту и перепрыгивать из класса в класс похоже совсем не просто. На улицу её ещё не пускают: только что «оклемалась», как говорит соседка. Солнышко припекает и девочка, разомлев от тепла, с интересом наблюдает за происходящим.

По обочине тротуара течёт ручеёк, петляя меж неровных берегов из грязного снега, временами скрываясь под тонкой корочкой льда, тоже грязного, серого, в крупных и мелких пузырьках. Рядом с ручейком бредут двое мальчишек, то обгоняя друг друга, то останавливаясь, наклоняясь и рукой пытаясь что-то достать или подправить. Пускают кораблики. Корабликов не видно, значит это спички, щепочки от спичечных коробков или мелкие веточки.

Отвороты у драных и мокрых шапок-ушанок подняты, уши торчат в разные стороны. Верхние пуговицы бесформенных грязных клетчатых зимних пальто расстёгнуты, вызываяще торчат голые тонкие шеи. Чёрные высокие резиновые сапоги блестят от холодной воды. Когда кораблики застревают где-то, мальчишки по очереди нагнетают воду в ручье сапогами, терпеливо дожидаясь, когда те сойдут с мели. Видно, что им зябко. Короткие рукава стареньких пальто не согревают, и мальчишки суют покрасневшие от холодной воды руки то за пазуху, то в карманы, наверняка, тоже драные внутри.

Мальчишки незнакомые, из другого двора, и, значит, гонят свои кораблики издалека, пытаясь пробиться к широкой реке, то есть к главному ручью, текущему по дороге, куда стекаются все мелкие ручейки. Люська вытягивает шею, стараясь как можно дольше удерживать взглядом уходящих мальчишек. Им недолго осталось. В конце дома начинается площадь, а там и дорога, и главный ручей.

Модные обновки

Дядя Алёша отвинтил третье колесо на Люськином велосипеде. Все ребята уже гоняют по двору на двух колёсах. Правда некоторые из них постарше, но Люська рослая девочка, дядя сказал, что она быстро научится. Этой весной ей исполнилось пять лет. Начало долгожданного лета выдалось холодным и дождливым. И только в середине июня удалось снять чулки и влезть в гольфы и носочки. В городе наконец-то воцарилось тёплое летечко.

Не обошлось и без казусов. К лету бабушка сшила Люське три новых платья. Из прошлогодних за долгую зиму девочка выросла. Новые платья были очень красивые. Мама раздобыла где-то немецкие журналы с выкройками, а бабушка собрала вышедшие из моды блузки и платья своих дочерей и скомбинировала три чудесных наряда. Именно наряда!

Пока шились её платья, Люська крутилась рядом. Было жалко, когда она увидела, как бабушка распарывает бордовое мамино платье и полотняный, в неширокую белую и розовую полоску, жакетик к нему. Жакетик был тонкий, свободного покроя, даже немного расклешённый, так что полоски на спине сбегались ёлочкой к шву посередине, а платье было узкое. Мама тоже любила этот наряд. И когда она надевала его, стройная, высокая, пышноволосая, она выглядела как на картинке из нарисованного модного журнала. Юбочка

на Люськино платье выкраивалась широкая, полусолнце, из бордовой ткани. Ткань была интересная и с изнанки выглядела куда красивее, чем с лицевой стороны, Атласная, переливающаяся, – крепсагин. Бабушка не поддавалась на уговоры поменять лицо и изнанку местами. Но для красоты настроила на юбочку внизу полосу из полотна в белую и розовую полоску. А верх платья был, наоборот, в полоску с бордовым круглым воротничком.

Люська с нетерпением ожидала примерки. Но как только увидела себя в зеркале, от неожиданности открыла рот и замерла с недоверчивым и расстроенным выражением лица. Платье было коротким. Ну просто неприлично коротким! Пальцы опущенной руки как раз доходили до конца юбочки из под которой торчали длинные худые ноги. Люська открыла рот и громко заревела. Бабушка всё поняла, но ничего не сказала, а громко фыркнула и, стянув платье с внучки, бросила его на стол.

Вечером, когда пришла с работы мама, они немного пошептались, и после ужина мама приступила к делу. Сев с дочкой к столу, она взяла журналы и стала показывать, как красиво на девочках смотрятся короткие юбочки. Люська глядела и слушала насупившись.

Битый час мама обхаживала дочку и Люська наконец сдавалась, снова надела платье. Надув губы и часто-часто дрыгая коленками стояла она, искоса поглядывая на себя в зеркало. Она не изменила своего мнения, просто ей не хотелось обижать маму. Ну как она не понимает, что во дворе её засмеют, покажись она в такой короткой юбке! Что все девочки носят платья длиной до колена, а в такой короткой юбке нельзя будет никуда ни залезть, ни наклониться. Она снова упрямо замотала головой и бабушка, потеряв терпение, раздражённо вмешалась:

– Ну и ходи, как в панёве, коза упрямая! Нашла на кого равняться! Безвкусица! Пусть с тебя пример берут!

Люська снова открыла рот, чтобы громко зареветь, но мама быстро предложила: пусть ходит в старых платьях. Мгновенно успокоившись, девочка с удовольствием влезла в прошлогоднее ситцевое платье, тут же вытащенное мамой из комода. Платье оказалось тесновато и коротковато, но её это не смущало, и она довольно оглядела себя в зеркале, а мама с бабушкой почему-то переглянулись и улыбнулись друг другу.

Когда установились первые тёплые дни, мама собралась в гости к подруге и позвала с собой дочку, но с условием, что она наденет обновку. Тут-то Люська поняла, что проблема не решена, а просто отложена. Поразмышляв немного и поняв, что ей одной не переупрямить взрослых, она вынуждена была согласиться. Лишиться хрустящего сахарного печенья Анны Андреевны, интересных с ней разговоров, да и вообще, прогулки по городу с мамой вдвоём, она не могла никак.

Близился полдень, и Люська понимала, что все ребята сейчас во дворе. Крепко вцепившись в мамину руку и откинувшись немного назад и вбок, чтобы юбочка казалась длиннее, она решительно вышла из подъезда. Девчонки стучали в мяч по глухой стенке неподалёку. Как только хлопнула дверь, стук прекратился и, треснувшись с размаху об асфальт, непоиманный мяч покатился с тротуара. Кажется, Галькин голос негромко произнёс: «Вообще-е-е-е!». Люська мгновенно среагировала. Она обернулась и высунула всем язык. Ответом ей была тишина и изумлённые лица подружек.

Нельзя сказать, что Люська осталась довольна, но дальше она пошла спокойно выпрямившись. Короткая пышная юбочка красиво колыхалась воланами при каждом шаге и это ей понравилось. Они с мамой зашли в Гастроном, где мама поставила дочку стоять в очереди, а сама поговорила с какой-то знакомой. Потом мама встала в очередь, а дочка пошла покрутиться у витрины. Наконец мама купила кулёк шоколадных батончиков «Рот-Фронт» на гостинцы и разрешила дочке взять несколько штук. Они шли по улице и весело болтали ни о чём.

Люська, казалось, совсем забыла о короткой юбке, но вскоре мама заметила, как дочка украдкой оглядывает себя в больших окнах попадающихся им магазинов. Похоже, проблема всё-таки разрешилась.

Она точно разрешилась. Когда на следующее утро Люська выбежала во двор в старом сарафанчике, подружки разочарованно заметили, что ждали её в новом платье, чтобы рассмотреть его получше. Узнав, что новых платьев у счастливой подружки три, и все их сшила бабушка, все хором решили, что ей здорово повезло. Люська и сама начала это понимать. Больше никому из её подружек дома платьев не шили. Объяснив, что бабушка заканчивает вышивать белые горошки на рукавчиках последнего нового платья, и, пообещав на завтра появиться в обновке, Люська быстро включилась в игру.

Что такое детский сад

Люську отдадут в детский сад! Новость эта как громом поразила её. Бабушка так и сказала: «Слава богу, тебя отдадут в детский сад, я хоть вздохну спокойно!» Девочка испуганно притихла и задумалась. Не надо её никуда отдавать, зачем её куда-то отдавать? Ей и дома хорошо. Но спрашивать у бабушки она ничего не стала. Некоторые дети из их двора уже ходили в детский сад, но ничего подозрительного в этом не было, а бабушка сказала это так, будто внучку отдадут туда навсегда и жизнь её там ожидает не очень-то весёлая.

Весь день, до возвращения мамы с работы, Люська провела в тревожном ожидании. Мама пришла весёлая и сразу сообщила, что завтра они вместе идут в поликлинику собирать справки. Люська облегчённо вздохнула. Она поняла, что мама не собирается отдавать её в детский сад насовсем, а перспектива целый день не видеть бабушку приятно радовала. Незаметно пролетела неделя и вот уже Люська, держась за маминк руку,

переступает порог старшей группы детского сада. На душе у неё совсем не праздник. Смутное ощущение чего-то, что очень сильно изменит привычную жизнь, беспокоит её.

Вышла немолодая воспитательница в белом накрахмаленном халате, поговорила о чём-то с мамой и, улыбаясь, повела девочку в группу. Дети сидели за столиками и завтракали. Нашлось место и новенькой, но Люська к еде не притронулась. Сидела смиренно и незаметно оглядывалась. Дети во все глаза разглядывали её и тихо переговаривались.

Почти все были незнакомы ей. Из их двора была только одна девочка, с которой никто не играл. Её так и звали – «странная Люба». Да маленького роста задира и забияка Женька, по прозвищу «Сандаль». Женька, увидев, что его заметили, заулыбался, округлил глаза и начал подавать руками какие-то знаки.

После завтрака девочки окружили новенькую и наперебой стали задавать вопросы. Кто-то бесцеремонно щупал вышитые белые горошки на рукавах её нового зелёного платьица. Люське всё это не слишком понравилось. С какой стати она будет всё рассказывать совсем ещё неизвестным девочкам.

Поодаль стояла «странная Люба» и заискивающе улыбалась ей. Похоже, и здесь с ней никто не играл. Люська решительно раздвинула руками девчонок, подошла к Любе и заговорила с ней. Все разочарованно замолчали. Вышла воспитательница и все стали строиться парами на прогулку. Люба взяла новенькую за руку и застенчиво улыбнулась. Ещё одна девочка подошла к ним и взяла Любу за другую руку. Все три девочки посмотрели друг на друга и дружелюбно заулыбались.

На улице девочкам разрешили показать новенькой территорию детского сада. Взявшись за руки, Люба, Люся и Ирина с удовольствием обошли все участки. Территория оказалась обширной, густо заросшей вдоль забора на участках высокими деревьями и кустарником. За разговорами выяснилось, что Ирина живёт в соседнем доме. Но на улицу её выпускают только в сопровождении старшей сестры, а у неё свои друзья

и подружки, к которым они ходят в другой двор. Девочки сразу нашли общий язык, будто давно уже были знакомы. И Люба оказалась совсем не странной, а просто очень стеснительной девочкой. Когда девочки вернулись на свой участок, воспитательница с удивлением отметила, что замкнутая Любочка, оживлённо жестикулируя, рассказывает что-то подружкам, а те, весело хохоча, и перебивая друг друга, пытаются ей возражать в чём-то.

Подбежал Женька и позвал всех играть в прятки. Люська, приседая за кустиками, побежала в дальний конец сада, к пышным кустам сирени, которые заприметила во время прогулки. В прятки она играть умела. Раздвинув ветки, она пролезла вглубь и легла на нетронутую мягкую траву. Сквозь пышную крону сиреневого куста почти ничего не было видно, слышны были только радостные крики водящего и недовольные вопли найденных ребят. Люську найти не удавалось, а может и не искали? Очень скоро ей это наскучило. Вылезать при всех, выдав такое удачное место, ей не хотелось, и она повернулась на спину.

Сплошным зелёным шатром теснились над головой листья, поддерживаемые снизу длинными ветвями и короткими веточками. Где-то на вершине куста сидела птичка и переливчато пела. Люська подвинулась ближе к забору, в надежде увидеть певунью. В просветах между ветками показалось что-то ослепительно голубое. Девочка отползла дальше от куста, чтобы ничто не загораживало этой красоты. С изумлением вглядывалась она в безоблачную синеву чистого июльского неба. И чем дольше смотрела, чем яснее чувствовала всю глубину и бездонность его, - тем больше в груди её, в маленьком сердечке, поднималась горячая волна чего-то неведомого, справиться с которым не было никакой возможности. С громкими криками восторга выскочила она из куста и, вскинув руки, побежала к детям:

– Небо, небо, смотрите, там небо!

Волна весёлого сумасшествия захватила всех детей. Все забежали по площадке и закричали, кто «небо», кто «солнце», кто ещё что-то. Прибежала воспитательница, с трудом уgomонила орущую толпу детей, быстро вычислила зачинщицу и препроводила её не в группу, нет, а в маленькую комнату с высоким узким окошком, столиком и клеёнчатой кушеткой, накрытой белой простынёй, сказав: « Вот посиди здесь и подумай!».

Люська сидела и думала довольно долго. Потом пришла Ирина и повела подружку в группу. Воспитательница разговаривала с какой-то тётенкой, помоложе и построже видом. При появлении девочек взрослые замолчали, и стали внимательно и пристально наблюдать за Люськой. Ирина и Люба старались развеселить новую подружку, но это им плохо удавалось. За обедом она ничего не ела, а во время дневного сна тихо лежала, с головой накрывшись простынкой, и думала о том, что воспитательница обязательно всё расскажет маме. Было жалко расстраивать её. Девочка с трудом дождалась, когда за ней придут. Пришли одновременно бабушки за Люськой и за Ириной. Бабушки тут же познакомились, и домой шли уже все вместе. Девочки шли впереди, держались за руки и о чём-то тихо разговаривали, бабушки сзади тоже о чём-то ворковали.

Воспитательница не пожаловалась. Ну и что? Люське больше не хотелось ходить в детский сад. Рассказать маме обо всём она не могла, ведь мама расстроится из-за провинившейся дочки. И мама терялась в догадках. А бабушка быстро поставила диагноз: «Капризы!»

Сестрёнка

– Вставай-ка, вставай, засоня! – Мама присела на кровать и тормозит дочку. Упругая панцирная сетка железной кровати прогнулась, Люська перекатилась на другой бок и с трудом разлепила глаза. Утреннее солнышко отражается в никели-

рованных шарах на спинке маминой кровати. Мама натягивает задравшуюся майку на Люськин живот, тянет её за ноги, совсем не больно, помогая потянуться, и начинает «измерять рост», насколько дочка выросла за ночь. От самых кончиков вытянутых пальчиков на ногах она «шагает» выше и выше, медленно переступая поочерёдно большим и средним растянутыми пальцами своей руки и считает: раз, два, три... Чем выше, тем щекотнее. Когда мама добирается до живота, терпеть уже невозможно. Люська громко прыскает и сворачивается в клубочек. Всё, проснулась! Мама уходит на кухню, варить дочке любимое яйцо всмятку. На столе стоит стакан молока, на тарелке хлеб, белый. Бабушки нет. Девочка босиком быстро перебегает к столу, отламывает кусок белого хлеба и с удовольствием жуёт его, запивая молоком. Вошедшая мама качает головой:

– А умыться?

Застигнутая на месте преступления Люська притворно охает:

– Забыла! – и хитро щурится, улыбаясь молочными усами.

Мама быстро заправляет кровать и раскладывает на покрывале нарядное платьице дочки, чистые носочки и выглаженные атласные ленточки.

– Скоро придут дядя Ваня с Серёжей, и мы все вместе пойдём в больницу, – говорит мама, быстро заплетая дочке аккуратные косички.

– Как в больницу, зачем в больницу? – пугается Люська.

Но мама загадочно улыбается:

– Сегодня выписывают тётю Риту и Серёжину сестрёнку.

– Какую сестрёнку? У Серёжи нет никакой сестрёнки!

– Теперь уже есть.

Люська озадаченно молчит. Она знала, что мамину сестру положили в больницу, бабушка ходила туда каждый день, но...

– А как её зовут? – кричит она громко вслед вышедшей из комнаты маме. Мама возвращается:

– Ещё никак. – И, увидев изумление на лице дочери, торопится пояснить:

– Имя ей ещё не придумали, но скоро у неё будет имя.

– А сколько ей лет? – остолбеневшая Люська ничего не может понять.

– Она родилась неделю назад.

Мама скрывается за дверью, оставив дочку наедине с закружившимися хороводом мыслями.

Больница совсем недалеко. Люська идёт за руку с дядей Ваней. Рядом идёт улыбающийся старший двоюродный брат Серёжа и поглядывает на сосредоточенно молчащую сестру. Люська наконец поднимает голову:

– А откуда же вы узнали, что это девочка, у неё же ещё нет косичек? – заглядывает она в глаза дяде Ване.

Тот переглядывается с сыном и оба весело смеются. Мама почему-то смущается. Девочка понимает, что спросила что-то не то и замолкает. Но через короткое время лицо её светлеет и она, весело оглядев всех, оповещает:

– А я догадалась! – и громко хохочет, присоединяясь к общему смеху.

Маленькое рыжеволосое спелёнутое существо лежит на Люськиной кровати, смешно выпятив губки, и причмокивает. Спит. Все сидят за столом и пьют чай.

Семья второй маминой сестры, тёти Риты, живёт на окраине города в своём доме. Бабушка помогла дяде Ване всё приготовить к появлению нового члена их семьи и скоро они отправятся домой. Люська замечает как дядя Ваня, мягко улыбаясь, с нежностью поглядывает на крошечную дочку.

– Мам, ну мам, – тянет за рукав маму Люська. – Нам бы тоже надо родить сестрёнку.

Мама почему-то краснеет, остальные подтрунивают над ней. Люська понимает, что опять сказала что-то не то и, замолчав, отходит. Вопросов у неё много и девочка не может дожидаться, когда же все разойдутся. Помогая вытирать поло-

тенцем чашки, вымытые мамой, она поглядывает, пытаясь угадать, стоит ли продолжать разговор. Но мама помалкивает. Позже, усадив дочку рядышком за стол, она скажет, что дети рождаются только тогда, когда того хотят мама и папа. А всё остальное – Большая Тайна, которую дочка узнает, когда вырастет. Как же так? И что это за Тайна такая? Потому она и Тайна, что о ней не спрашивают.

Странно, но Люська была удовлетворена. Наверное, слово Тайна возымело магическое действие. Тайну она уважала!

Лучшая подружка

С Ириной дружба у Люськи сложилась крепкая и на восемь лет. Наверное, они дружили бы и всю жизнь, просто Люська с мамой через восемь лет уедут жить в другой город. А пока она стоит у двери их квартиры и стучит кулачком в дверь. До звонка ей ещё не дотянуться.

Воскресное утро. Дверь открывает невысокая очень красивая женщина.

– Это кто к нам пришёл? – Красивым мелодичным голосом, немного растягивая слова, произносит она.

– Подожди, я отгадаю. Тебя зовут Люся, и ты пришла к Иришке, правильно?

Восхищённая Люська радостно мотает пушистой головой.

– Ну, проходи, проходи, будем знакомиться, – нараспев, улыбаясь, говорит красивая женщина и отступает от двери.

Повторять нет необходимости. Оглядевшись в прихожей и потянув носом тонкий ароматный воздух, сразу охвативший её, гостя спрашивает у улыбчивой женщины:

– А как Вас зовут и чем это у вас так вкусно пахнет?

Красивая женщина звонко рассмеялась:

– Меня зовут тётя Нэля, я Иришкина мама, а это запах пачули.

– Боже, как приятно! – Люська весело засмеялась, – так сказала бы моя бабушка!

Из-за тяжёлой портьеры вышла Иркина бабушка:

– Ирко, посмотри кто к нам пришёл! – крикнула она улыбаясь. Гостья с улыбкой таращила глаза: похоже, ей тут все рады.

– А можно мы с Ириной гулять пойдём во двор? – объявила она о цели своего визита.

– Думаю, можно, но только попозже. Нужно перебраться крыжовник на варенье. Это недолго, если хочешь, подожди у нас, а хочешь, помоги девочкам.

Вымыв руки каким-то необыкновенно душистым мылом, Люська вышла из ванной. Сёстры Ирина и Марина сидят на кухне. На столе большая эмалированная чашка с зелёным крыжовником. Ирина тянет свободный стул поближе к себе и хлопает ладошкой по сиденью. Радостно обнимает Люську за шею. Старшая сестра Марина снисходительно улыбается. Тётя Нэля садится на своё место у окна и берётся за ножницы. Не успевшее ещё подняться высоко, утреннее солнышко косыми лучами золотит светлые завитки её волос. Люська с интересом наблюдает, как ловко она обрезает с ягоды хвостик и макушечку и бросает её в глубокую тарелку. Девочки тоже легко и привычно справляются с этим.

Гостья просит ножницы, и ей приносят маленькие, с круглыми кончиками, как у девочек. Уронив с непривычки пару ягод на пол, она приловчилась и вскоре уже не отставала от остальных. За столом потекла неспешная беседа, прерываемая шутками и звонким смехом.

Бабушка рядом на плитке варила в жёлтом тазу ароматные листочки, потом вынула их шумовкой, – большой ложкой с дырками, и насыпала сахару. Когда сироп был готов, она засыпала чистые ягоды и вскоре по кухне потёк сладкий волшебный дух крыжовенного варенья. Впрочем, девочки не стали дожидаться пенок, а довольные и весёлые помчались на улицу.

Страсти-Мордасти

Красивый трёхэтажный дом, в котором жила Люська, стоял, основной своей частью, на центральной площади города. А небольшая его часть буквой «Г» выходила на главную улицу. Там, в первом подъезде, на первом этаже и жила Люськина семья. В последнем подъезде, на первом этаже, тоже располагались квартиры. А в центральной части дома весь первый этаж занимал большой главный городской гастроном.

Сегодня подружки решили, наконец, обследовать таинственный второй подъезд в Люськином доме. Этот подъезд и расположен-то не как все остальные, а в углу дома, сразу за широкой и высокой глухой стеной, которую девочки постарше облюбовали для игры в мяч. Целыми днями там за углом слышался глухой стук мяча о стену и об асфальт. Шаловливые мальчишки, чтобы досадить девочкам, часто забрасывали мяч во второй подъезд и убегали. И начинались громкие споры. Решали, кому идти за мячом. Чаще всего шли за ним целой гурьбой, а через мгновение с громким визгом сыпались из подъезда, как горох, толкая и выдавливая друг дружку из дверей.

Кто и когда посеял в детях страх, рассказав, что в этом подъезде живут чудища, крадущие детей, – неизвестно, но страшилка эта прижилась и действовала исправно. И никакие увещевания взрослых, говорящих о том, что никого ещё из жильцов этого подъезда не украли, не помогали. Было ясно, что своих чудища не трогают. Младшие дети боялись даже подходить к двери второго подъезда, а вдруг откроется?!

Люська как-то рассказала обо всём этом маме и мама сказала, что всё это глупости и суеверия, а чтобы убедиться в этом, надо просто сходить в этот подъезд. Маме Люська доверяла и решила, что пора перестать бояться. А чтобы совсем уж не было страшно, договорилась сходить туда с Ириной. Под-

ружки во всём поддерживали друг друга и никогда не ссорились. Вот и сейчас Ирина легко согласилась на приключение, может быть оттого ещё, что редко играла в своём дворе и страхами не была заражена.

Ясное солнечное утро прибавляло девочкам смелости. Ну что плохого может случиться в такое чудесное утро? Добежав до угла, подружки остановились и посмотрели друг на друга. В груди у Люськи что-то предательски сжалось, но увидев добрую доверчивую улыбку Ирины, она решительно направилась к двери таинственного подъезда, твёрдо уверенная в том, что раз это её, Люськи, затея, значит ей первой и входить в злосчастный подъезд.

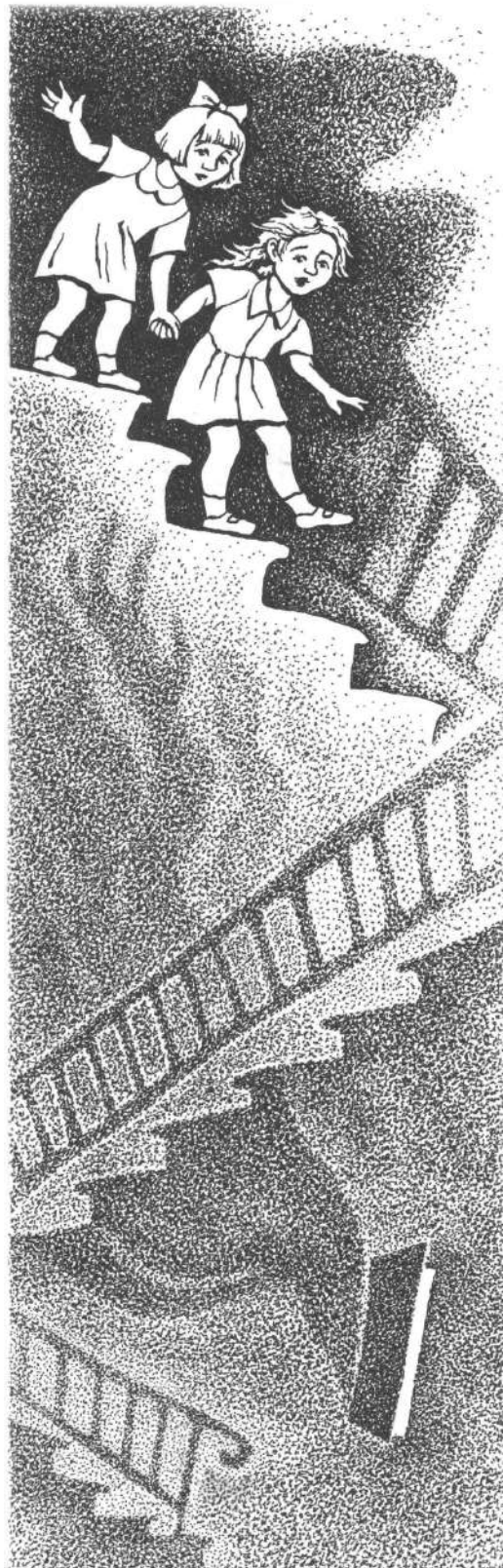
Дверные пружины противно заскрипели и Люська почувствовала на своём плече робкое пожатие Ирининой руки. Вот теперь она совсем не имеет права бояться, ведь в случае чего она должна будет защитить верную подружку!

В приоткрывшуюся дверь ничего не было видно, и девочка широко распахнула её. Напротив двери была глухая стена, до половины покрашенная зелёной, местами облупившейся, масляной краской. Необычно узкий и длинный проход справа заканчивался четырьмя ступенями короткой лестницы. Затем глухая лестничная площадка, и ступени поворачивали налево, поднимаясь и теряясь высоко, где-то над головами девочек. Лампочка не горела, и только сверху пробивался слабый свет из окна второго этажа. А в углу, под короткой лестницей прятался таинственный полумрак.

Люська нерешительно замерла, а потом громко попросила Ирину подержать дверь. Гулкое эхо напугало подружек, но почувствовав, что дверь в надёжных руках, отчаянная девочка спокойно шагнула в подъезд. Она приблизилась к ступеням и, зайдя сбоку, наклонилась и заглянула туда.

– Никого тут нет, – раздался её уверенный голос.

– А почему тут только одни стены? – робкий голос Ирины на минуту озадачил Люську, но размышляла она не долго:

– Так там же за стеной Гастроном!», – весело заключила она. – Квартиры начинаются только на втором этаже. Давай поднимемся наверх?

Ирина бросила дверь, и пока она закрывалась, быстро добежала до подружки и крепко схватилась за её руку. Девочек окутал плотный полумрак, но подняв головы вверх и держа в поле зрения слабое пятно света от окна вверху, девочки стали подниматься выше. На площадке второго этажа они выглянули в окно и поняли, почему так мало света попадало в подъезд. Глухая стена загораживала всё на свете. Из окна была видна только широкая пожарная лестница, начинавшаяся где-то ниже, и уходившая куда-то наверх. Потоптавшись возле окна, девочки, не сговариваясь, решили, что на сегодня впечатлений хватит, и повернули назад.

И вот тут-то Люська почувствовала, как куда-то в живот заползает холодок: спустаться надо было в кромешную темноту. Люська уже пожалела о затее.. Но деваться было некуда, и она крепко и уверенно взяла Ирину за руку. Громким весёлым голо-

сом она начала рассказывать, что они сейчас побегут в соседний двор качаться на качелях, ведь ещё утро и качели наверняка пустые, или, во всяком случае, детей ещё не так много, а если уже много, ну что ж, они просто займут очередь. Внизу ступеней совсем не было видно, приходилось нащупывать их ногами. Медленно, ступенька за ступенькой, они сползали вниз. Казалось, ступени никогда не кончатся. Последние метры вдоль стены до двери они прошли в полной темноте и молчании.

Когда дверь подалась и охотно выпустила их на улицу, они несколько минут стояли, не разнимая рук, шурясь от яркого света и счастливо улыбаясь. Им не верилось, что здесь по-прежнему ярко светит солнышко. Счастьем казалось, что можно запросто вернуться домой или пойти куда захочется. Потом пришло ощущение покоя и удовлетворения. Они больше не боялись этого таинственного подъезда. Ничего страшного в нём не было. Просто в этом дурацком подъезде не было лампочки.

А вы любите тушёную капусту?

В детском саду Люська приживалась плохо. Не то чтобы она была непослушной девочкой, нет, но многое из того, что там происходило, не вызывало у неё энтузиазма и не приносило радости. Взять хотя бы эту противную тушёную капусту. Мама давно уже отказалась от желания заставить дочку хотя бы попробовать её. Вид коричневатой бесформенной жижи неизменно вызывал у Люськи рвотный рефлекс и мама сдалась.

Когда в детском саду поставили всем тарелки с этой капустой, Люська насупилась. Заметив и правильно истолковав это, нянечка тётя Фрося, или, как звал её картавый Валерка Быков, «чёча Фроча», по простоте душевной проворчала:

– Кто не съест, за шиворот вывалю.

Живо представив себе, как эта коричневая гадость ползёт по спине, Люська тот час же произвела рвотный зевок и содержимое её желудка, наполненное вкусной куриной лапшой, оказалось в капусте. Девочка разразилась громким безудержным рёвом.

Дети повскакали с мест и разбежались. Растерявшаяся «чёча Фроча», забегала и засуетилась, не зная, за что хвататься. Подоспевшая воспитательница вывела ревущую Люську в умывальную и там, приведя девочку в порядок и выспросив обо всём, поняла, что у девочки «особое» отношение к этому блюду. Кое-как успокоив подопечную и пообещав ей, что больше капусты не будет, воспитательница поспешила к нянечке.

Фрося торопливо мыла тарелки. На чистых столиках стояли белые фаянсовые кружки с ароматным компотом. Заплаканная Люська под села на своё место и жадно, залпом всё выдула. Дети с любопытством, молча, поглядывали на неё. Сидевшая рядом Ирина, ласково погладила подружку по спине.

За дверью слышалось мерное жужжание голоса воспитательницы и отдельные жалобные вскрикивания Фроси: «Да что ж я такого сделала-то?», «Да что ж я такого сказала-то?». Люське вдруг стало нестерпимо жалко Фросю. Она вышла из-за стола и поспешила на голоса. Молча обняв нянечку и уткнувшись лицом в белоснежный фартук, она не сдвинулась с места, пока раздражённая воспитательница не вышла из комнаты. Растроганная Фрося присела на корточки и жарко зашептала девочке в ухо:

– Да миленькая ты моя! Да я не знала же! погоди, моя хорошая, там ещё лапшички осталось немного, я тебя сейчас накормлю.

– И компотику, – кротко попросила Люська.

– И компотику, и компотику! А как же! – радостно засуетилась Фрося.

К тётке Рите в гости

Байки-побайки, купил мужик китайки,

Матери – на ляжки, отцу – на кисет.

А поповым дочерям – на манжеты к рукавам. –

ласковым голосом негромко напевает колыбельную тётя Рита. Люська стоит в дверях и заворожённо, не отрывая глаз от люльки, следит за её мерным покачиванием. Люлька подвешена за большой крюк к потолку. Тётя Рита манит её рукой и предлагает покачать сестрёнку. Девочка подошла и легонько тронула люльку. От лёгкого движения люлька плавно качнулась на большой пружине и пошла вверх – вниз, вверх – вниз. Малышка тихо посапывала, причмокивая соской.

Впервые после её рождения сёстры тётя Риты, Нина и Тамара с семьями, собрались навестить её и заодно, по заведённой традиции, помыться в бане в единственный выходной день недели, в воскресенье.

Мамина сестра с семьёй живут на окраине города в своём доме и у них, как и положено, есть баня «по белому», то есть нормальная баня с печкой и трубой. Так объяснили девочке. Люська в бане мыться не любит. Ей часто становится там плохо. Она не выносит жаркого воздуха. Моют её в «последний пар», на самой нижней ступеньке полка, очень быстро, и выпроваживают в предбанник, где она медленно одевается и приходит в себя, дожидаясь маму. Бабушка ворчит, что из-за неё им приходится мыться в почти холодной бане. Девочка с огорчением думает о том, что и из-за этого тоже бабушка не любит её.

Дядя Ваня и дядя Алёша любят париться. Братьев: Володю, Славу и Серёжу тоже приучают к этому. Возвращаются они из бани раскрасневшиеся, разомлевшие сидят в кухне на лавке за столом с полотенцами на шеях, пьют горячий чай и утираются свисающими концами полотенца. На просветлённых лицах блуждают мягкие улыбки. Разговоры негромкие, будто

нет сил. Женщины после бани сразу принимаются за стряпню. Замешивают тесто, делают фарш и все вместе, включая детей, садятся лепить пельмени. Это любимые моменты в Люськиной жизни.

В комнату входит бабушка, руки у неё в муке. Она наклоняется над люлькой и неожиданно нежным дребезжащим голоском, прищепётывая, что-то воркует малышке. Воспользовавшись моментом, Люська спрашивает, какие такие китайки купил мужик? Бабушка не отмахивается, как обычно, а объясняет внучке, что китайкой раньше называлась довольно дорогая и очень красивая плотная шёлковая ткань. Поэтому позволить её себе можно было только на отделку или небольшие вещи. И, чему-то улыбаясь, довольная бабушка запела тихонько:

*А-баю-баю-баю, отец ушёл за рыбою,
Мать ушла пелёнки мять, дедушка дрова рубить,
Бабушка уху варить, внученьку ухой кормить.*

– Это меня? – с надеждой спросила Люська.

– Тебя, тебя. Ирочка-то ещё маленькая.

– А про ложку крашеную спой!

И улыбающаяся бабушка снова запела колыбельную:

*А-баю-баю-баю, живёт мужик на краю.
Он ни беден, ни богат, у него много ребят, –*

и Люська тихонько подхватывает:

*Все по лавочкам сидят, кашку с маслицем едят.
Кашка масляная, ложка крашеная.*

– Эти колыбельные мне ещё нянюшка пела, – мечтательно улыбаясь, говорит бабушка.

Люська открывает рот, чтобы расспросить об этом, но бабушка быстро уходит на кухню. Люська задумывается: чем нянюшка отличается от бабушки? И почему у неё нет нянюшки?

Ли́ра

Приехала после учёбы младшая мамина сестра. У неё красивое необычное имя Ли́ра. И сама она очень красивая, хохотушка и шутница. Работать она будет в центральной аптеке, она умеет делать лекарства, а жить пока у них. Взрослые рады, да и Люська тоже, ведь с её появлением в семье стало оживлённее и веселее. Бабушка говорит, что она не задержится у них, быстро выскочит замуж. Люська плохо себе представляет, как это можно «выскочить» куда-то «замуж», но старшим виднее.

Бабушка срочно стала обшивать младшую дочь. Стол надолго скрылся под отрезами из шифона, ситца, габардина, панбархата. На кровати, зацепившись за никелированные шары, висели три красивые сумочки. В шкафу с крючка свисали пояски и ремешки, а не полочке лежали две крохотные, причудливой формы шляпки – «менингитки». Самая красивая, белая, была выложена пёрышками в виде больших цветов. Надевались они скобочкой и прикрывали только темечко и уши. Носили такие шляпки только отчаянные модницы. Люську огорчало, что у мамы не было такой. Мама считала, что «менингитки» ей не к лицу.

Вечерами, после работы, устраивались шумные примерки с обсуждением, которые однажды закончились весёлыми кривляниями и буйным танцем, в который Ли́ра вовлекла всех. Люська с восторгом отозвалась на это сумасшествие и, нацепив какой-то кусок ткани, самозабвенно выдавала неизвестные бабушкиной изысканной природе танцевальные па. Мама заметно стеснялась, но потом уступила напору младшей

сестры и своей мягкой пластикой сглаживала её буйные танцевальные фантазии. Но Лире и этого было мало. Она схватила бабушку за руки и затащила её в круг. Бабушка отбивалась и, задыхаясь от смеха, кричала: «Лирка, перестань!». Но Лиру это только раззадоривало. Она успокоилась только тогда, когда бабушка начала сердиться:

– Эльвира, перестань сейчас же, это неприлично!

Лира огорчённо замахала руками и повалилась на диван отдышаться.

– Дикарки! – нахмурив брови и поджав губы до невидимой тонкой ниточки, выговаривала бабушка. – Какой пример ты показываешь девочке, она и так плохо поддаётся воспитанию, вся в папашу, своенравная, шумная, бесшабашная.

Люська, съёжившись, слушает и размышляет: кто такой этот неизвестный «папаша»? Так вот из-за кого бабушка так строга и неласкова с ней! Она замечает как мама, с глазами полными слёз, быстро выходит из комнаты.

Ли́ра вышла заму́ж

Ли́ра взялась за перевоспитание племянницы. По воскресеньям и иногда среди недели, если было не поздно, она брала её на свидания. Обычно они гуляли где-нибудь подальше от дома, и Люська с интересом знакомилась с новыми улицами. Кроме того, Лирины кавалеры проявляя неслыханную щедрость, покупали им конфеты, мороженое, сладкую газировку. Иногда перепадали и шоколадки. Женихов было много и, похоже, они не очень-то нравились требовательной к их выбору тётке. Она никому не позволяла провожать их до дома.

Люське нравилось, что Ли́ра запрещала называть её тётей, что всю обратную дорогу она делилась с ней, как с подружкой, впечатлениями о парнях, что-то втолковывала в Люськину пушистую и красиво причёсанную головку. Впрочем,

это было Люське не очень понятно, да и не слишком интересно.

Но однажды всё изменилось. Лира стала ходить на свидания одна. Домой возвращалась притихшая, улыбочивая, шепталась о чём-то с мамой, бабушка тоже чаще стала улыбаться.

Как-то, в воскресенье, Люська играла во дворе и видела, как Лира с каким-то парнем, несущим букет цветов, заходят в подъезд. Поколебавшись немного и решив, что её всё равно отправят гулять, она осталась на улице. Вернувшись домой, она сразу увидела на подоконнике букет в маминой вазе зелёного резного хрусталя.

Гость уже ушёл. Круглый стол был накрыт праздничной скатертью. Чайный сервиз, который доставали только по праздникам, красовался на столе. В розетках стояло недоеденное варенье, неровные куски наколотого щипчиками сладкого сахара горкой высились в красивой фарфоровой сахарнице, на блюде румянились бабушкины пирожки. Голодная Люська быстро уселась за стол и взялась за пирожок:

– Это с молитвой? – откусывая кончик пирожка, спросила она маму.

– Нет, это со сливовым повидлом, – задумчиво ответила мама, – иди, вымой руки, я налью тебе чаю.

Люськины любимые пирожки были «ни с чем». Когда-то она впервые попробовала эти пышные, румяные, сладкие пирожки, но начинки в них не было. Она всё откусывала и откусывала, пытаясь найти её. Бабушка сказала, что они ни с чем.

– Нет «с чем», они ведь сладкие! – ответила внучка.

Бабушка засмеялась:

– С молитвой!

Так и повелось с тех пор. Люське нравилось помогать стряпать любимые пирожки. Взрослые раскатывали сочни, смазывали их растопленным сливочным маслом, а она щедро посы-

пала их сахарным песком. Вот и вся начинка. Сочни складывали пополам, прижимали полукруглые края в нескольких местах тупой стороной ножа, чтобы не прорезать насквозь, и жарили на сковородке. Бабушка была мастерица ставить дрожжевое тесто, это говорили все, но она не выдавала своих секретов никому. Если начинки оказывалось меньше, а тесто оставалось, бабушка пекла «перепечки» – круглые лепёшки. И наслаждением было есть их, обмакивая в блюдец со сметаной.

А Лира и правда вскоре вышла замуж. Но моя детская память хранит эпизод, размышляя над которым, я поняла однажды, какую трагедию она пережила.

Тот парень с букетом, её будущий муж Володя, заканчивал учёбу на последнем курсе Свердловского юридического института. И тут появился новый жених. Военный лётчик. Боже, какой он был красивый в своей лётной форме! Даже я, маленькая девчонка, это понимала. Лира, конечно, влюбилась без памяти и тайком от бабушки бегала на свидания. А бабушка очень сердилась на неё.

Влюблённый Володя пришёл свататься и Лира ему отказала. Мы играли в коридоре. Я помню, как из двери нашей комнаты он выскочил со сдавленными рыданиями. И следом страшный грозный крик бабушки: «Верни его сейчас же!». С громким отчаянным плачем Лира выбежала вслед...

Новые друзья

Мы переезжаем!!! Эта новость едва не сбила Люську с ног. Новость ошеломила ещё и тем, что, оказывается, переезжать они будут вместе со старшей маминой сестрой, а значит и с братьями Славой и Володей. Правда это опять будет коммунальная, но уже трёхкомнатная квартира и на втором этаже.

Да и не так далеко от их двора. Люська совсем недавно бегала на эту улицу и видела там за забором новостройку. Напротив школа, а детский сад как раз посередине между старым и новым двором.

В подъезде пахло свежей масляной краской и ещё чем-то незнакомым, но непередаваемо приятным. Блестели не только стены, но и коричневые перила, ступени широкой лестницы. Сверкали чистотой стёкла необычного, как долька лимонного мармелада, окна над подъездом.

Осмотрев подъезд, девчушка быстро сбежала вниз, схватила широкую картонку от коробки с вещами и помчалась на третий этаж. Вскоре в подъезде раздался её радостный визг, громкое шуршание и сгрудившиеся на площадке родственники с изумлением увидели мчащуюся на картонке с верхнего пролёта лестницы Люську. Она легко подпрыгивала на каждой ступеньке, держась руками за края картонки и отклонившись корпусом назад. Шлёпнувшись на площадке, лихо развернувшись всем телом к следующему пролёту, шалунья с визгом скрылась из глаз. Славик быстро помчался вниз. Вскоре новый подъезд огласился радостными воплями, катающихся, как с гор, детей.

Комната была больше прежней не намного, но она нравилась абсолютной новизной, видом из окна, самим фактом обещания перемены жизни. И, конечно же, к лучшему. Жалко было оставлять хороших друзей, но поразмыслив, Люська решила, что ничего она не теряет, ведь прежний двор совсем рядом. А кроме того она приобретает новых друзей. И эта мысль приятно её тревожила.

Вскоре выяснилось, что соседями по дому оказались Валерка Быков и Славик Адауров – высокий спокойный мальчик. Оба были в той же группе детского сада, что и Люська. Маленький, подвижный Валерка надоедал всем девочкам дурацкими насмешками, и при том, что сильно картавил, вызывал у всех своей назойливостью активное неприятие.

А про Славика она ничего сказать не могла. Он был какой-то слишком спокойный и незаметный, мало играл в шумные игры. Тем неожиданнее было его появление однажды в выходной день на пороге их квартиры. Дверь открыл дядя Алёша.

– Люся, к тебе пришли! – крикнул он. Люська выбежала в прихожую и оторопела.

– Пойдешь гулять во двор? – спросил Славик приветливо.

От неожиданности девочка не нашлась что ответить, только молча кивнула и торопливо стала обувать сандалики. Вприпрыжку одолев лестницу, дети выбежали из подъезда.

– Пойдём, я тебе что-то покажу, – предложил Славик.

В глубине двора, за обширной зелёной лужайкой, стояло несколько железных гаражей, втиснутых между какими-то кирпичными стенками. Между гаражами были узкие проходы, туда-то и направился Славик. Люська, молча, последовала за ним.

Подойдя к щели, которая казалась пошире остальных, мальчик зачем-то замер и прислушался. Потом махнул Люське рукой, предлагая следовать за ним, и легко проскользнул внутрь. Люська, не раздумывая, полезла следом. По ту сторону гаражей оказалось небольшое пустое пространство посыпанное мелким гравием, проросшим чашечками травинками, и глухой забор. Сразу же послышалось нетерпеливое собачье поскуливание и оголтелый щенячий писк.

– Это Найда, – объявил Славик. – А это её щенки!

Найда, – небольшая, чёрная с жёлтыми подпалинами собачка, тыкала мокрым носом детям в колени, норвила дотянуться и лизнуть в лицо. Длинный пушистый хвостик её без устали мотался из стороны в сторону, вместе с задней частью её длинного тела. Славик полез в карман и достал завернутую в обрывок газеты небольшую косточку и кусочек варёного сала. Найда аккуратно всё обнюхала, не переставая махать хвостом, и с любовью посмотрев на дарителя, съела

сначала сало, а потом, ухватив поудобнее косточку, улеглась с ней поодаль и принялась долго её облизывать, примеряясь, с какого бока начать грызть.

Дети, тем временем, опустили на колени перед небольшим стареньким лоскутным одеяльцем, по которому ползали и пищали пятеро смешных щенков. В груди у Люськи что-то затеплилось и растаяло. Она с умилением гладила щенков и слушала, как её приятель говорил со смущением, что это его детское одеяльце, мама разрешила взять его, когда узнала про щенков. Что они ещё совсем малыши, но скоро у них откроются глазки и их можно будет подкармливать молочком, а пока надо хорошо кормить Найду.

Он говорил и говорил ещё что-то, а Люська слушала его и понимала, что она совсем-совсем не знала этого мальчика, а он оказывается очень добрый и настоящий. Подошла Найда и стала подтыкать свой длинный лисий носик под Люськину ладошку, прося погладить и её. Девочка тотчас же перенесла всю радость и тепло своего сердечка на неё. Собачка счастливо жмурилась и помаргивала глазками. На её чёрной мордочке выразительно выделялись жёлтые бровки, будто нарисованные коротким мазком широкой кисточки.

Выбравшись из прохода, дети поняли, что отныне они стали настоящими друзьями.

У Ададуриных в гостях

Славик ходил в детский сад один, в отличие от Люськи и других детей. Он вообще казался старше и серьёзнее сверстников. Бабушке он сразу понравился и на его предложение заходить за подружкой в детский сад и приводить её обратно, она отозвалась с радостью. Люська тоже обрадовалась. Обычно она с трудом просыпалась по утрам, капризничала, ссорилась с бабушкой сквозь сон, не хотела открывать глаза, и в детский

сад тащилась хмурая, заспанная, с закрытыми глазами, держась за бабушкину руку.

Но со Славиком было интересно. Казалось, он всё понял и почти сразу предложил рассказывать по дороге свои любимые истории. Несмотря на то, что Люська читала довольно много, он знал обо всём намного больше. Теперь по утрам Люська просыпалась быстрее, стоило только бабушке произнести, что Славик уже, наверное, подходит к подъезду. История про Винни Пуха, его друзей и Кристофера Робина захватила её. Но приятель рассказывал её только по дороге в сад и обратно, и не поддавался ни на какие уговоры. В библиотеке этой книги не было и, когда Люська призналась в этом, Славик неожиданно предложил дать ей эту книгу почитать.

В ближайший выходной с утра Славик зашёл за подружкой, и они направились в последний подъезд, где на первом этаже их семья занимала целую квартиру. Все были дома. Высокая худощавая мама копошилась на кухне и на крик Славика: «Мам, мы пришли!» – выглянула оттуда и одарила детей доброй улыбкой. Выглянул из другой комнаты старший брат Витя, одноклассник и друг Володи, двоюродного брата Люськи, и тоже улыбнулся.

Дети направились в дальний конец коридора к открытой двери комнаты.

– Пап, можно к тебе?

– Заходите-заходите, ты привёл гостью? – услышала девочка мягкий бархатистый мужской голос и шагнула через порог, да там и остановилась, оробев.

Слева от двери, на узкой железной кровати под тёмно-синим шерстяным одеялом лежал человек. Контур его тела неявно выделялись под тонким одеялом, руки лежали вдоль тела и почти сливались с ним. И только по открытым плечам и предплечьям, в свежей голубой рубашке, было видно, что они есть. Люська медленно перевела испуганные глаза на лицо

мужчины и, наткнувшись на глубокий мягкий долгий взгляд его тёмных глаз, надолго утонула в них. В носу у неё что-то защипало и глаза наполнились слезами. Лицо этого удивительного человека вдруг осветила необыкновенно добрая тёплая улыбка и девочка неожиданно засмеялась. Сзади тоже послышался негромкий серебристый женский смех. Люська и не заметила, как сзади подошла мама Славика. Она стояла в дверях, руки привычными движениями вытирали тарелку белым вафельным полотенцем, лицо её светилось. Славик сидел на полу возле огромного книжного шкафа, улыбался, и с доброй иронией наблюдал за происходящим. Люська вдруг растаяла и облегчённо вздохнула. Она почувствовала, что в этой необыкновенной семье ей рады, что её появления сегодня ждали и не ошиблись в ожиданиях.

Она спокойно подошла к Славику и опустилась на коленки. Нижние створки шкафа были открыты и вид полок, туго заполненных книгами, очень её разволновал. Стопочками аккуратно лежали тонкие книжки, стройными рядами стояли книги потолще, а внизу теснились толстые, большого формата книги.

– Как в библиотеке! – восхищённо озирая все эти сокровища, выдохнула она.

Многие книги были аккуратно заклеены, некоторые были наново переплетены. Люськины ладошки ласково гладили корешки книг. Глазами она спешила ухватить их названия. Славик тихонько сдвинул нижнюю стопочку и вытянул большую толстую книгу.

– Вيني Пух! – ахнула девочка.

Книга была не новая, видно было, что её много читали. Прежняя яркая, но сильно потёртая и аккуратно подклеенная картонная обложка была наклеена на крепкую коленкорovou основу. Длинное название книги местами было обновлено:

– Это Витя подписал тушью и специальными перьями, плакатными, – пояснил Славик.

– А книгу кто починил так красиво? – вопросительно взглянув на приятеля, спросила девочка.

– Это мальчишки сделали, – ответил папин голос.

– А научил нас ты!

Люська оглянулась. На краю кровати сидел Витя, закинув ногу на ногу, и приветливо разглядывал гостью. Люська подумала, что её брат Володя не стал бы вообще разговаривать с «мелюзгой» и тем более так приветливо. Наоборот, от него всегда можно было ожидать чего-нибудь неприятного. Люська открыла книгу. Буквы крупные и картинок много. Захотелось сразу начать читать, но Славик уже отвлек её, вытаскивая и показывая, свои любимые:

– Пап, считаешь?

Он быстро принёс и ловко приладил к кровати какую-то чудную подставку для книг. Выбрал какие-то рассказы, поставил перед отцом, а сам пристроился в изголовьи и жестом помянул подружку. Люська нерешительно приблизилась к кровати, но присесть не осмелилась. А отец уже начал читать, да как...! Вскоре из их комнаты начали доноситься взрывы хохота, какие-то вскрикивания. Когда мама заглянула к ним, дети сидели на кровати и покатывались от смеха. Глядя на них, тихо смеялся и дядя Саша. Развеселившаяся гостья не сводила восхищённого взгляда с его выразительного лица.

– Что за книгу вы читаете?

– Да Носова, мам, мою любимую! Фантазёры! – обхватив коленки обеими руками, Славик откинулся к спинке кровати и весело хохотал...

Дома, за обедом, рассказывая маме обо всём, она заметила, как они с тётёй Ниной переглянулись, и услышала непонятную фразу «прикован к постели». Она припомнила, что никаких кандалов и цепей на кровати дяди Саши она не видела. Решив, что спрашивать у Славика обо всём этом она не станет, чтобы не сделать ему больно, Люська успокоилась.

Теперь, по выходным дням она частенько бывала у Адагуровых. И однажды, играя во дворе, Славик рассказал ей, что после тяжёлого ранения на войне отец долго лечился, но болезнь не отступила, и вот уже четыре года он не может двигаться.

– А у меня папы нет совсем, – тихо заметила Люська.

Баба-Яга

Двор нового дома постоянно подвергался набегам детворы из соседних домов и вскоре Люська перезнакомилась со всеми детьми своего возраста с этой улицы. Улица манила. Каждый день приносил радость узнавания чего-то нового: новых знакомств, новых общений, новых городских дворов, а ещё новых огорчений и приключений. И их хватало, чего уж тут скрывать.

Как-то, тёплым ранним утром, Люська сидела у подъезда на парапете крыльца, болтая ногами из стороны в сторону и неторопливо поедая большой кусок серого хлеба, намазанного жёлтым сливочным маслом и щедро посыпанного сахаром. Во дворе ещё никого не было, и она пыталась отгадать, кто же первый из друзей появится.

Появилась соседская девочка Таня, школьница-второклассница. Они не были подружками, и Люська не обратила на неё никакого внимания. Но Таня уселась неподалёку и стала пристально наблюдать за соседкой. Люська насторожилась. Таня под села поближе:

– Дай половину и я покажу тебе такое...! – она высунула язык и закатила глаза.

Люська искоса поглядела на неё. Почему-то не хотелось ей верить. Увидев, что ещё один приличный лакомый кусок скрылся за щекой соседки, Таня удвоила усилия:

– Ты что, не веришь? – и наклонившись, что-то стала шептать девочке. Люська удивлённо вскинула брови:

– А это далеко?

– Не-а, пошли, покажу!

Люська решительно отдала оставшийся кусок Тане, и они вышли со двора. Совсем скоро девочка со смущением поняла, что это вовсе не близко, но было уже поздно. Большие дома кончились и пошли улицы с дощатыми тротуарами и деревянными одноэтажными домами, заросшими деревьями и кустами сирени и акации. Богато украшенные резными наличниками, они стояли во дворах, а на улицу выходили аккуратные заборы палисадников с цветниками, и огромные, почерневшие от времени и непогоды ворота. Почти все они были украшены причудливыми, тоже тёмными, деревянными узорами и покрыты узкими двускатными крышами. На калитке обязательно красовалось большое железное кольцо, а под ним толстая железная пластинка, чтобы достучаться до хозяев. На многих воротах висели таблички с сообщением, что во дворе злая собака. И, правда, громкий собачий лай сопровождал девочек от дома к дому. Люська боязливо жалась к Тане, а та, будто назло, стала рассказывать всякие страшные истории.

Увидев на крыльце следующего дома женщину в тёмном платке, она, вдруг, ни с того – ни с сего, повернула кольцо на воротах и быстро втокнула девочку во двор со словами: «А вот здесь и живёт Баба Яга!»

Люська не успела ничего понять, как тяжёлая калитка с грохотом захлопнулась за ней. Люська закричала от страха и стала стучать кулачком по толстым тёмным доскам калитки, но в ответ услышала лишь Танин злорадный смех и топот убегающих ног. Железная щеколда была расположена слишком высоко и как Люська ни пыталась дотянуться до неё, всё было напрасно.

Вдруг, сзади послышалось глухое бряканье железной цепи. Девочка обернулась и увидела, что в глубине двора, из собачьей конуры вылез большой лохматый пёс и, яростно отряхиваясь, принялся звенеть цепью. Сердечко её громко

стукнуло и похолодело: цепь висела на длинной проволоке, протянутой вдоль дорожки от дома к воротам. Собака сделала несколько шагов, насторожив уши и пристально вглядываясь в маленькую фигурку, вторгшуюся на её территорию неизвестно откуда. Люська, прижавшись спиной к тёмным доскам, медленно стала отступать вбок, к высокому забору палисадника. Собака зарычала, оскалила зубы, и, захлебнувшись в грозном рыке, кинулась к воротам.

Маленькая девочка присела, скорчившись от страха, и обхватив голову руками. «Вот сейчас, вот сейчас!» – стучало в её голове. Но тут она услышала чей-то громкий строгий окрик и следом тяжёлое мокрое дыхание подбежавшей собаки. Собака стояла над маленькой девочкой, но не трогала её. Люська оцепенела и почти перестала дышать.

На дорожке послышались торопливые шаги. «Вот и Баба-Яга торопится», – пронеслось в её головке. Девочка была почти в обмороке. Но всё же она сумела почувствовать, что рука, коснувшаяся её плеча, не была костлявой.

– Ну что ты, вставай, не тронет он тебя, – услышала она спокойный участливый женский голос.

Дрожащая малышка медленно встала, закрыв ладошками лицо.

– Ну, сильно испугалась? – та же рука опустилась на лохматую Люськину голову и тихонько приладила вихры.

Люська склонила голову набок и, раздвинув пальчики, посмотрела одним глазом на женщину. Она вовсе не была старой. Правда, тёмный платок выглядел странно на её голове, но в остальном она казалась обыкновенной тётенькой.

– А Вы правда не Баба-Яга? – для верности осторожно спросила она.

– Это тебе та девчонка сказала? Я всё видела. Кто она тебе, сестра?

Люська помотала головой:

– Нет, подружка.

– Зверушка она, а не подружка, – нахмурившись, проговорила женщина, – маленькая, а уже хищная. Постой немного, я сейчас. Гарбус, отойди!

Гарбус послушно отошёл и сел неподалёку. Теперь он добродушно шурился и ухмылялся, склонив большую кудлатую голову набок и поглядывая на непрошеную гостью. Девочка успокоилась, но на всякий случай решила не шевелиться.

Женщина вскоре вернулась с большим газетным кульком, наполненным ягодами красной и чёрной смородины. Люська радостно ахнула и сразу же запустила туда руку.

– Где ты живёшь, далеко? – спросила женщина.

Люська неопределённо махнула рукой в сторону и кивнула головой. Рот её уже был полон ягод, и она проговорила невнятное:

– Де певая фкоа.

– Не близко, и дорогу, наверное, не помнишь, правильно?

Люська радостно закивала...

Минутой позже они уже шли по улице в обратном направлении. Гарбус, забегая вперёд, поднимал переднюю лапу, настороженно оглядывая обозримое пространство и глухо негромко бухал, будто предупреждал всех, что у его хозяйки серьёзный и надёжный охранник. Пока Люська уничтожала содержимое кулька, женщина с ласковой улыбкой поглядывала на неё.

– Шпащиба, – несколькими шлепками пустой кулёк превратился в круглый комок и исчез в придорожных кустах.

– На здоровье, только вот мусорить не надо.

Женщина полезла в кусты, но девочка быстро опередила её:

– Ой, я сама, сама!

Из кустов Люська выбралась красная, от стыда, не зная, куда девать злополучный комок.

– Давай, я в карман положу, а дома выброшу, – улыбаясь, предложила женщина.

– Я сама, – девочка затолкала комок в кармашек своего платья.

Не зная, куда деваться от смущения, она вдруг взяла женщину за руку и, словно извиняясь, заглянула ей в глаза. Та вдруг опустилась на корточки и осторожно, но крепко обняла малышку.

– А почему Вы не носите другой платок, покрасивее. Вот красненький или жёлтенький Вам точно будет к лицу, – тихо произнесла девочка.

– Да-да, конечно, я обязательно поменяю, пора уже, – торопливо проговорила женщина.

Совсем скоро они вышли к большим домам.

– Вон там первая школа. Ну что, найдёшь свой дом?

Люська радостно кивнула.

– Да смотри, получше выбирай друзей себе. А предателей обходи стороной, поняла?

Девочка задумалась: значит, Таня предатель? Значит, вот как это бывает?

Таня сидела возле подъезда. Ехидно улыбаясь и прищурив глаза, она глядела на Люську и ждала, что же предпримет в ответ эта малявка. Малявка постояла минутку, а потом принялась таскать тяжёлые кирпичи, сваленные в кучу в сторонке, предназначенные для обрамления клумбы, и складывать их у стены, возле парапета крыльца. Наложив достаточное количество, она взобралась по ним, как по ступенькам, и запрыгнула на крыльцо.

– Ага, боишься! – победоносно закричала Таня.

– Вовсе нет, – спокойно проговорила маленькая девочка, – я обошла тебя стороной, потому что ты предатель.

И увидев, как вытянулось лицо у старшей девочки, тихо добавила:

– Так сказала Баба Яга.

История эта имела продолжение. О ней, конечно, вскоре многие узнали во дворе. Так получилось, что узнали и в Люсь-

киной семье. Дети стали сторониться Тани. И однажды вечером в квартиру постучалась Танина бабушка. Громким визгливым голосом она стала выкрикивать обвинения взрослым в плохом воспитании пятилетней девочки. Дядя Алёша, сразу и безоговорочно принявший сторону племянницы, побелевший от гнева, встал из-за кухонного стола и молча, сдвинув брови, двинулся на непрошеную гостью. Старая крикуша, привыкшая все вопросы решать нахрапом, не ожидала увидеть такого грозного молчаливого отпора и в страхе попятилась, попятилась, да и выкатилась из их квартиры. Больше Люську никто не трогал.

Кыстыбы

– А что же меня никто не разбудил? – лохматая белокурая головка выглядывает из комнаты на кухню.

Мама и тётя Нина ушли уже на работу, а дядя Алёша пришёл с ночной смены и собирается завтракать:

– А куда тебе спешить? – улыбаясь, спрашивает он.

– На улицу – позёвывая, отвечает Люська.

– Иди-ка, попьём чайку, только умойся сперва.

Полусонная девочка в перекрутившейся винтом тесной желтоватой майке плюхается на табуретку у стола и трёт кулаком заспанные глаза:

– А можно сначала чайку, а потом умываться? – просит она.

– Можно сначала умыться, потом одеться, и милости просим к столу, – дядя Алёша ласково треплет непокорные волосы племянницы.

– А чем это так вкусно пахнет? – Люська тянет носом. – Перепечками?

– Нет, это, кое-что повкуснее.

– Кыстыбы! – малышку словно ветром сдувает с табуретки.

Она стоит у кухонного шкафчика, на котором дядя Алёша неспешно намазывает на поджаренные лепёшки пшённую

кашу, густо сваренную на молоке. Поддев пальчиком комочек каши и, получив за это шуточный шлепок по руке, она быстро бежит в ванную, потом в комнату и возвращается на кухню уже умытая и в ситцевом платье, правда не до конца застёгнутом, но, это же мелочи, застегнёт позже. На столе дымится чай в фарфоровых кружках, на тарелке уже согнутые пополам лепёшки.

Окно на кухне, выходящее в торец дома, открыто, день обещает быть жарким. По стене к Люське, подкрадывается солнечный зайчик, – это отражение от горящего жаром на солнце оконного стекла в доме напротив. Девочка уплетает лепёшку и, болтая ногами, о чём-то разговаривает с дядей.

Какой-то странный сухой щелчок прерывает их разговор. Следом, в отдалении, раздаётся собачий визг. Спустя мгновение, Люська уже виснет на подоконнике, крутя во все стороны пушистой головой. Слева она успевает увидеть мечущегося дворового любимца, старого лохматого пса Урала, изо всех сил пытающегося протиснуться в узкую щель между железными гаражами. Справа, почти под окном, замечает странного мужчину, одетого в брезентовый плащ (это летом-то), который почему-то прячется за широкой кирпичной тумбой, поддерживающей высокие, сваренные из металлических прутьев, ворота и калитку. Он тихо поворачивается, и девочка замечает в его руках небольшое ружьё.

– Мелкашка, – озадаченно произносит над головой дядя Алёша.

Малышка, сразу всё поняв, уже несётся к двери. Босиком, в незастёгнутом до конца платье, она быстро скатывается по ступеням, что-то крича на бегу, и выскакивает во двор.

– Урал! Урал! Уралка! – раскинув руки, она бежит к гаражам.

Пёс, услышав спасительный зов, быстро, широкими размашистыми прыжками, несётся ей навстречу. Обхватив его руками за лохматую шею, она валится на землю, прикрыв его своим худеньким тельцем.

– Помогите, помогите, убивают! – отчаянно громко кричит она до тех пор, пока вокруг не собирается большая куча разных ног: больших и маленьких.

Чи-то руки пытаются оторвать девочку от хрипящего пса, но он словно понимает в ком его спасение и терпит, не вырывается. Наконец Люська понимает, что опасность отступила и, отпустив Урала, поднимается с колен. Её сразу же окружает набежавшая детвора. Кто-то одобрительно поглаживает её по руке, кто-то пытается отряхнуть от пыли её платье. Спасённый Урал, не переставая, зализывает ссадины на её коленке. Люська видит, как дядя Алёша за шиворот подтаскивает к группе взрослых тщедушного мужичка в нелепом плаще. Слышны возмущённые вопросы:

- Кто позволил?...
- Тут полно детей!...
- Что за бессердечность!...

И заикающиеся ответы мужичка:

– Был сигнал... я специально пораньше, думал, все ещё спят...

– Что за сигнал? – все вопросительно глядят друг на друга.

На крыльце стоит Танина бабушка и как только все головы поворачиваются в её сторону, быстро скрывается в подъезде. Кто-то из взрослых, подойдя к Люське, одобрительно треплет её головку и с улыбкой произносит:

– Ну, ты и заполошная! А вообще-то молодец, молодец!

Видя, как нерадивый стрелок рысцой покидает территорию двора, смущённая всеобщим вниманием, маленькая девочка берёт дядю за руку и спешит домой, доедать кыстыбы.

У каждого бывают плохие дни

Вечер. Сердитая Люська сидит на толстой ветке раскидистого ясеня, свесив ноги. Почти всех детей из детского сада

уже разобрали по домам. По дорожкам бродит Славик и, терпеливо заглядывая под каждый куст, ищет её. День сегодня не задался, это уж точно.

Утром, в коридоре перед музыкальным залом, приставучий Сандаль дёргал её за косы. И когда Люське надоело это терпеть, она развернулась и вцепилась изо всех сил обеими руками в его густой, аккуратно подстриженный чубчик. Сандаль, от неожиданности, отшатнулся и повалился по стене вбок, увлекая за собой на пол всю шеренгу детей, что стояли позади него. Люська рук не расцепила и тоже оказалась в общей свалке.

На многоголосые крики детей тот час же сбежались воспитатели, заведующая и вообще все кто был поблизости. Детей подняли и запихнули в зал. Заведующая выразительно погрозила девочке пальцем, из чего Люська поняла, что вина за всё произошедшее падёт на её голову. Показав обидчику кулак, Люська села на стул и накрепко закрыла рот. Она любила музыкальные занятия, голосок у неё был звонкий и слух превосходный, но, как ни старалась Зоя Николаевна расшевелить свою любимицу, ей это не удалось.

В кабинете заведующей, после занятия, дети стояли молча, отвернувшись друг от друга и не признавались, кто начал первый. Только за дверью канючили жалобными голосами Люськины подружки: «Это не Люська, она не виновата, отпустите её, пожалуйста». Так ничего не добившись, заведующая решила поручить воспитательнице наказание детей.

И наказание последовало. Все стали собираться на прогулку, а нянечка почему-то вынесла из кладовой, где хранились лёгкие деревянные раскладушки, - Женькину. Разложила её посередине группы и пошла в гардеробную за постельным бельём. Дети стояли разинув рты, а Женька, сразу сообразив в чём дело, быстро кинулся собирать её. Возмущённая решением воспитательницы Люська, бросилась на помощь Сандалью и вдвоём они быстро утащили раскладушку за тяжёлую портьеру в кладовую.

Вернувшись с постельным бельём Фрося, начала растерянно озираться под осторожные смешки детей. Положив бельё на стульчики, она опять пошла в кладовую и за портьерой послышался грохот упавшей раскладушки, кое-как наспех поставленной детьми. Пока нянечка, ворча, возилась за портьерой, шалуны, не сговариваясь, схватили постельное бельё и утащили его в гардеробную. Вернувшись с раскладушкой Фрося, в сердцах стукнула ею об паркет и рысью кинулась в гардеробную. Вся группа, уже не стесняясь, громко покатывалась от хохота. Не вовремя вошедшая в группу воспитательница, как раз застала дружную парочку волокущей, в очередной раз, раскладушку в кладовую...

Женьке досталось «на орехи» сразу же, как только за ним пришёл отец. А поскольку Люську домой отводил Славик, то ему было велено передать Люськиной маме, что её с нетерпением завтра ожидает заведующая.

И вот, огорчённая всем произошедшим насупившаяся девочка, опустив голову и упёршись руками в толстую ветку, ждёт, когда же этот «опекун» наконец-то найдёт её. Так и не дождавшись, голодная Люська неожиданно прыгает чуть не на голову, как раз проходившему под деревом Славику. Зажмурив глаза, она ждёт оплеухи или «леща» от приятеля. Кому охота возиться с этой непредсказуемой девчонкой. Но Славик, молча, берёт её за руку и спокойно выходит с территории детского сада. Они расстаются возле подъезда.

...А на следующий день, утром, по дороге в школу, к ним забежал Витя и сообщил, что Славик заболел. На том всё и кончилось.

Люську берут на переговоры

– Кто ожидает Клайпеду, подойдите к телефонистке – Дважды разносится гулким эхом сообщение по огромному залу переговорного пункта.

Люська сидит на краю большой деревянной отполированной скамьи, болтает ногами и беззвучно шевелит губами, стараясь запомнить незнакомое слово.

– Мам, а Клайпеда, это что такое?

Но мама машет рукой, потому что в этот момент опять что-то объявляют. Они уже целый час сидят на телеграфе и ждут своего вызова. Люська устала, но жаловаться нельзя, потому что в следующий раз её не возьмут. Тётя Нина наклоняется к племяннице и тихо объясняет, что это город такой. Далеко ли? Да, очень, на Балтийском море.

Перед глазами девочки разворачивается неведомое Балтийское море, огромное и неподвижное, как их пруд. И другого берега почти не видно. Но если приглядеться получше (Люська закрывает глаза), то можно увидеть что-то на другом берегу. Девочка напрягается, пытаясь разглядеть это что-то, но тут её дёргают за руку и, едва не упав, она с трудом поспекает за женщинами, торопящимися к восьмой кабине.

Мама с разбегу плюхается на приставное сиденье и хватается за трубку чёрного телефонного аппарата, стоящего на крохотном навесном столике в углу кабины. Тесно. Тётя Нина стоит сбоку от мамы и нетерпеливо топчется.

– Алло, алло, алло!!! – громко и настойчиво кричит мама

Потом поворачивается к сестре, прикрыв трубку рукой:

– Сказали ожидать.

Они радостно переглядываются. Люська с любопытством оглядывает кабину. Тусклый свет едва пробивается сверху через мутное стекло круглого плафончика. Отчётливо видны силуэты нескольких мух, неизвестно как попавших туда и сдохших, как думается Люське, мучительной смертью. Мух

жалко, но уже ничего не поделаешь, и девочка поворачивается к застеклённой двери. Новое открытие заинтересовывает её: оказывается из кабины не слышно ничего, что происходит в зале. Слышно какое-то бубуканье, видно, как люди бегут к кабинам, или к телефонистке. Рты их раскрываются, губы шевелятся, но звука нет, будто его выключили. На какое-то время это развлекает её.

За спиной мама нудным монотонным голосом продолжает звать: «Алло, алло». Но, видно, безуспешно.

Люська поворачивается и начинает исследовать телефонный аппарат. Диска с цифрами и буквами на нём нет, просто круглая гладкая нащёлка. Жёсткий провод от трубки опускается куда-то вниз, под столик. Осторожно взявшись за него, девочка пытается выяснить, куда же он ведёт? Провод ведёт к телефонному аппарату и тут Люська нащупывает что-то острое. Телефон-то, оказывается разбит! Целый кусок сзади отколол, и острые края запросто могут поранить руку.

Но тут мама резко оживляется и незнакомым голосом начинает верещать в трубку:

– Алло, мама, мама, слышишь меня? Это Тамара!

Она замолкает, кивает головой, глазами, бровями и улыбкой показывая сестре, что разговор наконец-то начался. Люська тоже рада, стоит, пританцовывает в ожидании близкого конца мучений. Ей не терпится побыстрее выскочить из душной кабины.

Бабушка уехала почти два месяца назад, проведать свою заболевшую маму. И вот теперь, навестив, заодно, многочисленных родственников и сделав запланированные покупки, сообщила, что привезёт погостить бабушку Олимпиаду. Люська заметила, как тревожно переглянулись сёстры. Но тут она услышала своё имя и почувствовала возле уха телефонную трубку. Сквозь какой-то невообразимый треск она услышала откуда-то издали:

– Люсенька, Люся! – и тихо, растерянно ответила:

– Да, это я.

Тётя Нина легонько трепанула её за плечо и велела говорить громче.

– Да, это я! – что было сил, заорала Люська.

Мама в испуге зажала уши и отобрала трубку, но было поздно. В ухо Люське чей-то близкий женский голос уже сообщил:

– Ваше время вышло, разъединяю.

Взмокшие от духоты и долгого ожидания, три женщины вывалились из кабины. На улице уже было темно, зажжённые фонари островками освещали дорогу, и летняя прохлада казалась спасительной. Люська вприпрыжку скакала, держась за руку мамы:

– Мам, а какой такой зверь цыгей?

– Что-что? – не поняла мама.

– Ну, из которого шубу-то мне бабушка купила?!

Сёстры переглянулись и захохотали, так ничего и не ответив девочке. Они оживлённо что-то обсуждали, но Люське это было неинтересно. Главное для себя она поняла: бабушка едет не одна, а значит, причин цепляться к внучке у неё будет меньше.

Ох уж эта «Пра»!

Бабушка Олимпиада едет в гости!

Это известие вызвало переполох в стане взрослых. Они что-то обсуждали, планировали. В конце-концов решили, что мальчишки, насколько возможно, поедут к тёте Рите, за город, потому что «Пра», как сразу окрестил её Володя, не любит шума. Дядя Алёша срочно взялся за изготовление несложной ширмы. А сёстры принялись отмывать все углы и перемывать вообще всё, что можно.

Люську забавляла вся эта суета. От неё ничего не требовали. Про неё, казалось, все забыли. И она с удовольствием наслаждалась этой свободой. Но... однажды, пропав, по обык-

новению, на полдня и, забежав на минуточку домой в туалет, девочка наткнулась на маленькую сухонькую седовласую старушку, неторопливо направлявшуюся, похоже, туда же.

– Ой, пустите меня, пустите скорее, – хватаясь за дверную ручку туалета и приплясывая от нетерпения, взмолилась девочка.

Старушка удивлённо вскинула брови, но отступила в сторону, пропуская маленькую нахалку.

На выходе её уже ждала грозная бабушка. Вот тебе и «Люсенька, Люся», – огорчённо пронеслось в её растрёпанной головке. Цепко схватив внучку за руку выше локтя, бабушка повела её в комнату. Люська попыталась вырваться, но только ухудшила своё положение.

В комнате происходило что-то странное. Все стояли, у стола сидела только одна та самая старушка, но как она сидела...! В пол-оборота ко всем, на самом кончике стула, выпрямив спину. Тёмное глухое платье из лёгкой ткани с кремовым пикейным воротничком и такими же манжетами, подчёркивало нелепость ситуации, в которой оказались все присутствующие. Маленькие жёсткие кулачки, сцепившись, лежали на коленях. Рот у девочки распахнулся сам собой.

– Вот, мама, стоит уехать всего на два месяца, и... – Бабушка с негодованием оборачивается на провинившуюся внучку, но тут же пытается отшутиться. – «Кот из дома – мыши в пляс», – и противно хихикает.

Рот у Люськи захлопывается, она делает небольшой шаг в сторону, чтобы спрятаться за маму, стоящую рядом, но уши еёстораживают: что-то здесь не так. Интонация... Девочка не слышала, чтобы бабушка так заискивающе разговаривала с кем-нибудь. Она вопросительно глядит на маму и тётю, но понимает, что они совсем не обращают на неё внимания. Мальчики? Слава стоит возле матери и приветливо улыбается всем. И только поймав прищуренный недружелюбный взгляд Володи, она понимает: помощи не будет!

Понуриив голову, исподлобья, смотрит она на непонятную гостью, но её лицо не выражает ничего, совсем ничего. Пауза затягивается. И вдруг, мягко улыбнувшись, старушка тянется к Люськиной кровати, берёт какой-то красивый белый с кружевом мешочек и ставит его на стол. Пока она, не торопясь, развязывает тесёмки, девочка с ужасом начинает понимать, что её кровать, – это уже не её кровать. На ней лежат какие-то свёртки, на спинке перекинута чужая светлая кофточка, а на полу стоит деревянный чемодан в гобеленовом чехле, застёгнутом на пуговицы. Она испуганно тянет маму за руку, но тут раздаётся голос Пра:

– Нина, подойди ко мне.

Голос негромкий, немного глуховатый, но послушаться его невозможно. Тётя Нина, покраснев, подходит к ней, наклоняется, пытаясь поцеловать:

– С приездом, бабушка, – торопливо произносит она.

Олимпиада слегка отстраняется, тянется за свёртком на кровати, сверху кладёт две конфеты из кружевного мешочка и протягивает старшей внучке. Тётя как-то неловко, с полупоклоном принимает подарки и торопливо возвращается на место.

– Тамарочка. То же самое повторяется с Люськиной мамой.

Володя, с затаённой издёвкой в глазах, но улыбаясь, принимает подарки и вразвалочку выходит из комнаты. Слава, с искренней радостью на лице, удостоивается ласкового взерошивания чубчика и, довольный, с подарками, тоже выбегает из комнаты.

Взгляды оставшихся, обращаются на замурзанную девочку. Внутренне съёжившись, она хватается за прутья маминой кровати и отчаянно трясёт головой. Мама шёпотом пытается убедить дочку, но бабушкино пренебрежительное «дикарка», окончательно всё портит. Бросив укоризненный взгляд на бабушку, мама выводит расплакавшуюся Люську из комнаты.

За дверью Люську отпускает напряжение, и она кричит отчаянно:

– Я хочу к тётё Рите! Я хочу в лес! Я хочу к Ададуrowым! Жить! Навсегда!

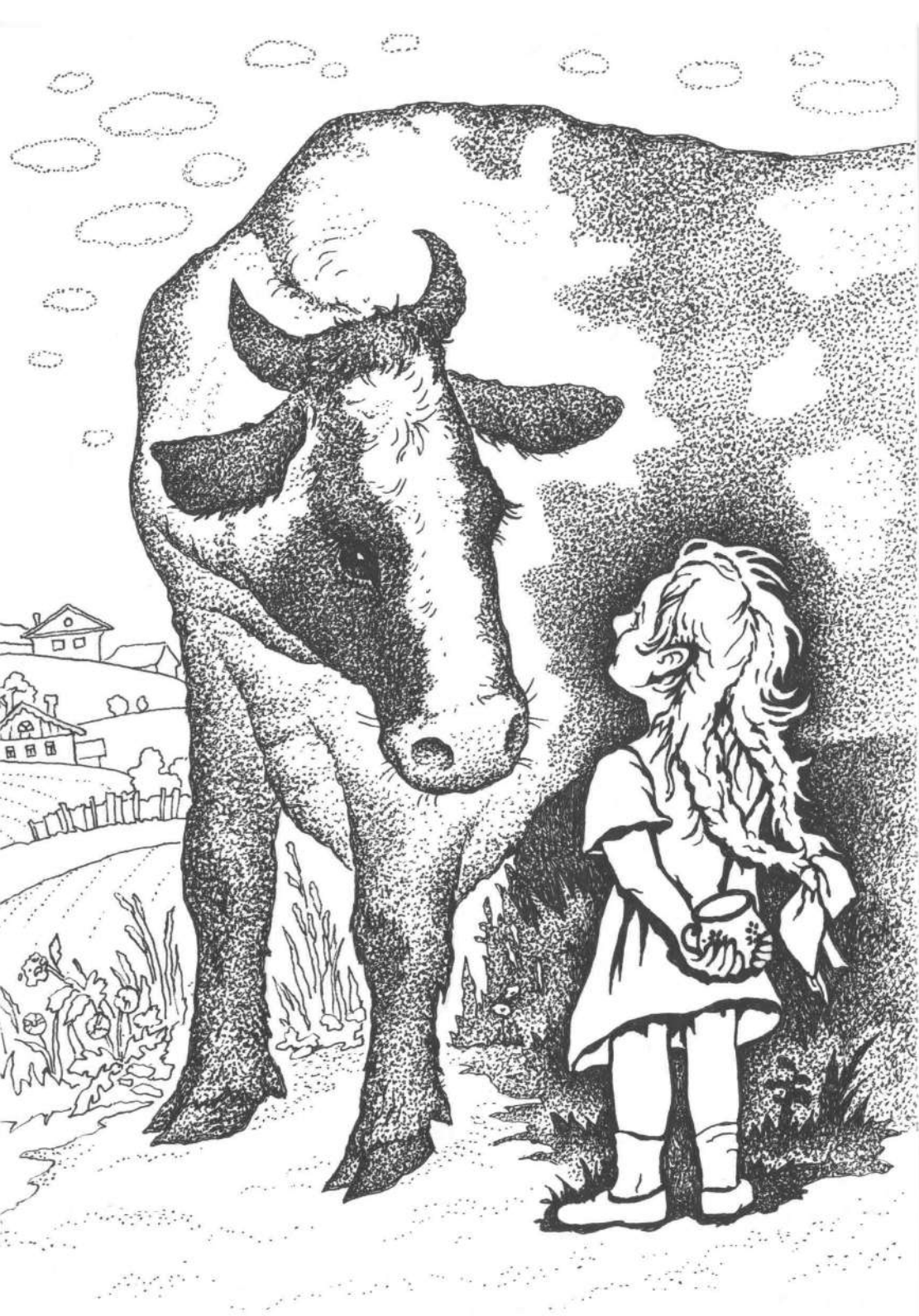
Счастье-то бывает!

И наступило счастье! Люську, вместо братьев, отправили на окраину города, практически в деревню, к тётё Рите.

Этим же вечером она познакомилась с соседями и напросилась к тётё Нюре посмотреть, как она будет доить корову. Замерев у двери хлева и пряча за спиной маленькую пузатую фарфоровую кружечку с букетиками фиалок по бокам, девчушка, со смешанным чувством восторга и страха, наблюдала, как мимо неё проплыла огромная, чёрная с белым, жующая голова коровы. Потом увидела крупные копыта и поёжилась. Медленной поступью на мосластых узловатых ногах проплыло мощное, тоже пятнистое тело, и Люська ощутила доброе его тепло.

Глаза малышки расширились: под большим сытым животом мягко колыхалось, покачиваясь в такт неспешной поступи коровы, белое, как огромный сдобный кусок хорошо выбитого теста, вымя. Следом шла сутуловатая тётя Нюра в свежевystираном переднике. На плече чистый выглаженный треугольник косынки, а в руке блестящий, как новенький, большой оцинкованный подойник, накрытый чистой тряпичей.

Пройдя в стайку, она подвинула от стены тёмную от времени, но крепкую и устойчивую скамеечку и удобно уселась. Завязав косынку вокруг головы, она зачем-то зажала кончик её губами. В подойнике была налита чистая вода и тётя Нюра, сливая её на руку, принялась мыть сдобное вымя. Вытерев его чистой тряпичей, она принялась за дело. Сразу же звонко зацвенькали тугие струйки о стенки подойника.

Повернув голову, она жестом подозвала девочку и протянула руку. Увидев махонькую кружечку, она недоумённо подняла брови и весело покачала головой. Но всё же заграбастала кружечку в кулак, и вскоре Люська впервые пробовала парное молочко. Пенистое, тёплое, оно сразу же очень понравилось ей, и остатки она выпила залпом. А потом ещё, ещё, ещё...!

На пороге дома Люська появилась, осторожно ступая и боясь пролить хоть каплю подаренного молока из литровой эмалированной кружки.

– Рита, добытчица пришла, можно садиться ужинать! – весело кричит дядя Ваня.

«Торжественная песнь парному молоку»

Вы ели когда-нибудь парное молоко с горячей рассыпчатой картошечкой, посыпанной крупной солью и политой золотистым сливочным маслом?

А парное молоко с горячими, только что из русской печи, шанежками или творожными ватрушками, щедро смазанными со всех сторон мокрым, от стекающего сливочного масла, белым гусиным пером?

А парное молоко с упревшей в чугушке гречневой кашей? И чтобы крупинка к крупинке, и чтобы кусок сливочного масла на глазах таял и оседал приличной лужицей на дно тарелки, откуда поднять его, тотчас же, ложкой и искупать все эти крупинки.

А парное молоко с «дружной семейкой»? Не знаете что это такое? Это много-много маленьких пончиков с начинкой из душистого густого ягодного джема, тесно-тесно посаженных в глубокую большую сковороду с налитым в неё сливочным маслом, чтобы не слиплись, и выпеченных хоть в русской печи, хоть в духовке.

А парное молоко со свежевыпеченным, опять же, в русской печи простым настоящим хлебом? Насколько простым? Проще не бывает: вода, соль, дрожжи и мука. Всё! Только нужно хорошо вымесить. Пышный, ноздреватый, корочка-хрусток, а рядом, в кружечке... парное молочко.

А кружка парного молока утром, на рассвете, после первой дойки? Когда тебя, спящую, приподнимают от сонной подушки, «окая» шепчут ласково на ушко:

– Люсенька, попей молочка, тёпленького-то.

И ты, припав губами к целебному источнику, одним духом принимаешь это в себя и падаешь снова на подушку досматривать цветные детские сны

А вы говорите счастье...! Вот оно, счастье! В ежеминутной радости бытия!

Рыбалка

Прозрачная вода звонкими мелодичными струйками бежит по мелким разноцветным камушкам и камням побольше, громко плещется, не вписавшись между больших валунов на перекате. Денёк солнечный, хрустальный. Люська сидит на бережку, перебирает камешки. Красивые – пёстренькие, полупрозрачные и разноцветные, складывает в кармашек. Плоские пытается запускать по воде, как брателья, но пока у неё ничего не получается. По её лицу блуждают отражённые от воды солнечные зайчики. Девочка щурится и улыбается.

Неподалёку возятся мальчишки. Панька и Оська наполняют камешками дно полулитровых банок и небольших эмалированных плошек, обвязывают горлышки белыми тряпочками с небольшими дырками в центре, крошат кусочками хлеб. Будут рыбачить. Люська тихо наблюдает. Серёжа берёт свою банку и, войдя по щиколотку в холодную воду, осторожно прикрыв дырку ладонью, чтобы не выплыл хлеб, набирает чистую

воду. Стараясь не взбаламутить ил и песок, подходит к неглубокой ямке, и слегка ввинтив банку, устанавливает её на перекате. Серёжины друзья тоже устанавливают свои ловушки на облюбованные места. И начинается самое интересное!

Мальчишки стоят на берегу так, чтобы их тени не падали на воду и внимательно наблюдают. Люська тоже вытягивает шею. Подойти ближе пока нельзя, всё равно прогонят, и девочка изо всех сил напрягает зрение.

Вот на мелководье появляются редкие и неясные тени. Осторожно подплывают к банкам и стремительно, пугливо уплывают прочь. Но вскоре вокруг банок начинается настоящее столпотворение. Толкаясь, оттирая друг дружку, мелкая рыбёшка и рыбки покрупнее, норовят заплыть внутрь и схватить размокшие крошки хлеба. Люська следит за Серёжиной банкой. В банке уже началась драчка, но брат стоит невозмутимо. И вот показалась стайка крупных пескарей и малявок. Рыбная мелочь, ухватив, что можно унести, давится на выходе, а в дырку уже потянулась крупная рыба. Наконец банка заполнилась, и вода в ней стала мутная от разлетающегося во все стороны мокрого хлеба. То же самое происходит и в других ловушках.

Серёжа делает два быстрых шага и ловко накрывает сверху ладонью дырку. Пленницы кишат тёмной массой в банке, дерутся, хватая друг у друга остатки хлеба. Вот теперь можно!

Люська подбегает к брату и с восторгом наблюдает, как старший брат со знанием дела осматривает улов. Он осторожно сливает воду через пальцы, снимает тряпочку и начинает вылавливать из банки рыбу. Самую крупную выпускает в небольшое ведёрко с чистой прозрачной водой, а банку с мальками суёт в руки сестре. Люська жмурится от удовольствия, запускает в банку руку и смеётся, ощущая скользкие холодные прикосновения маленьких рыбёшек. Соседские мальчишки тоже рассматривают свой улов и оживлённо сравнивают его друг с другом.

Вокруг, вроде бы равнодушно, бродят куры. Поклёвывая что-то, и наклонив головы набок, внимательно и насто-роженно наблюдают за каждым движением ребят. Вскоре Люська понимает, что всё это не напрасно. Переложив крупную рыбку в свои ведёрки и плоски, мальчишки начинают бросать мелочь курам. В один момент прилично разгуливающие куры превращаются в скандальных и драчливых сударушек. Вывалинные в пыли мальки, ещё трепыхаясь, исчезают в судорожно дёргающихся куриных глотках. Покончив с этим и успокоившись, куры начинают боком, подбираться к девочке. Но Люське жалко красивых рыбок и она без сожаления быстро выпускает их в речку. Оторопевшие куры с возмущением глядят на странную девчонку и, не веря своим глазам, торопливо, с громким кудахтаньем, рыщут по прибрежным камешкам. Но где там! Люськины мальки давно уже уплыли вниз по течению быстрой горной речки.

Серёжа сажает сестру караулить улов, а сам опять начинает ладить ловушку. Мальчишки тоже, молча, подтаскивают к Люськиным ногам свои ведёрки. Все заняты делом.

К обеду тётя Рита поставила на стол чугунок с дымящейся картошкой и большую чугунную сковороду с жареными пескарями. Все едят и нахваляются. Серёжа сдержанно улыбается, а Люську просто-таки распирает от удовольствия и гордости, когда тётушка, между делом, замечает, что если бы не племянница, она бы не успела почистить столько рыбы к столу.

Неожиданное знакомство

– Мам, мама! Включай скорее радио, там твою любимую песню передают!

Люська влетает в квартиру и бежит на кухню в поисках мамы. Но её там нет. Забежав в комнату и не обратив вни-

мания на сидящих у стола бабушку и какого-то незнакомого мужчину, она торопливо включает радио и быстро находит нужную волну: «сердцу вопреки, мы с тобой два берега...» – несётся из динамика.

Девочка быстро выключает радио и поворачивается:

– А где мама?

Вопрос почему-то повисает в воздухе. Сидящие у стола как-то странно переглядываются и Люська вихрем вылетает из комнаты.

Маму она находит в умывальной. Сидя сгорбившись на краю большой ванны, она старательно смывает с лица слёзы. Девочка изумлена.

– Мам, я тебе песню... – и замолкает.

– Иди, иди, Люсенька, я сейчас, – шепчет она и Люська, осторожно пятясь, тихо закрывает дверь.

Быстро перебрав в голове свои проступки, она понимает, что причина маминых слёз не в ней и, неслышно пройдя по коридору, в щёлку, внимательно разглядывает незнакомого мужчину. Поймав на себе его взгляд, девочка, робея, и ничего не понимая, входит в комнату.

– Вот Люсенька, к тебе папа приехал, – как-то смущённо лепечет бабушка.

– Папаша?! – изумлённо ахает девочка.

Бабушка дёргается, как от пощёчины и, резко махнув рукой, быстро выходит из комнаты, раздражённо бормоча: «Ну и характерец». Мужчина хитро улыбается:

– Почему же папаша? Просто папа!

– Я не знаю, так бабушка говорит, – хмурится девочка.

Мужчина, коротко хохотнув, понимающе кивает головой, встаёт и подходит к окну. Он высокий, крепкий, в широких модных брюках и красивом пиджаке. Всё вроде бы ничего, но почему плачет мама?

... Папа! ... Папа? Люська быстро представляет дядю Алёшу, дядю Ваню, дядю Сашу. Конечно, у них нет таких

красивых костюмов, но... он чужой какой-то..., да, совсем чужой. И почему плачет мама?

Сейчас он повернётся и будет с ней разговаривать, и ей надо будет что-то отвечать ему. И, наверное, это будет предательством, ведь она не знает, почему плачет мама!

Отец поворачивается, достаёт из кармана пачку папирос, крутит её в руках нерешительно, но, поймав недружелюбный взгляд дочери, закурить не решается и суёт её обратно. Взглянув на заваленный свёртками стол, он бодро направляется к нему. Всё! Уж она точно ничего от него не возьмёт. И Люська, повернувшись, опрометью выскакивает из квартиры.

Сбежав с крыльца, она, не раздумывая, направляется в угол двора, к гаражам. Забившись в конец узкой площадки, девочка садится на сухонький клочок травы. Обхватив ноги руками и уткнув лицо в острые коленки, она надолго замирает.

– А там тебя все ищут, – раздаётся рядом голос двоюродного брата. И поняв, что ответа не будет, он продолжает:

– Хочешь ириску?

Люська, не поднимая головы, отрицательно мотает головой.

– Шоколадная, «Забава» называется. Это он привёз целый кулёк, и ещё другие конфеты.

Не дождавшись ответа и вздохнув, Славик говорит:

– Ты не бойся, я никому не скажу, где ты прячешься, – и неслышно исчезает.

Спустя много времени, истомившись от голода, девочка тихо открыла дверь в квартиру и, услышав голоса на кухне, задержалась в прихожей. Опять плакала мама, а тётя Нина и бабушка в два голоса что-то ей втолковывали.

– Она не приняла его, вы же видите! – громко выкрикнула мама.

Люська тихо прислонилась к крашеной стене и горестно всхлипнула. Что она опять сделала не так?! Уже не таясь,

с потерянными видом прошла в комнату. Постояв возле радиоприёмника, включила его, но любимой маминной песни уже не было.

– Я песню тут оставляла, мамину, любимую. Ты не включал радио? – спросила она подошедшего Славика.

Славик хихикнул, но посмотрев на сестру умолк.

– Ты думала, что она сохранится, если ты выключишь радио? – спросил он сочувственно.

Люська сконфуженно кивнула и тихо заплакала.

Вот это находка!

Дождик в августе прохладный, почти осенний, мелко засеивает весь город и окружившие его горы. И, похоже, он зарядил надолго. Но детворе это не мешает. Старшие братья помогают отцу обустроить подвал. Жильцы нового дома уже давно поделили его на кладовочки, навесили замки и стащили туда кое-какие запасы и ненужный скарб.

У дяди Алёши всё по-другому. Кладовочка у них в два раза больше, на две семьи сразу. Теперь он, не спеша, аккуратно и обстоятельно обустроивает её. На стене уже висят полки, где он разместил все свои инструменты. Освещение у него настоящее, с выключателем, а лампочка не просто болтается на проводке, а ввинчена в какое-то «копыто» и накрыта круглым матовым плафоном.

Сегодня он решил немного заглубить три бочонка в землю, чтобы они не загромождали полезное пространство и служили бы удобными табуретами. Так он терпеливо и с улыбкой объяснил это Люське, появившейся в дверях. В одном уже засолены огурцы, а два других предназначены для грибочков-груздочков и капустки. Люська предложила, было, помощь, но старший брат сурово буркнул, что мелюзге нечего тут путаться под ногами.

Володя с отцом копают траншею у стены, а Славик выносит небольшие ведёрки с землёй на улицу, где их сразу принимают его друзья Мансур и Лёвка, и уносят за гаражи к забору. Сменных ведёрок две пары. Со своим ведром прибежал и Рустик, старший брат Мансурки, и работа пошла быстрее. Он сам выносил своё большое ведро с чёрной землёй из подвала и аккуратно насыпал под деревья, кусты, тонким слоем просеивал её на ещё цветущие клумбы.

Но вдруг всё остановилось. Славик не появился из подвала, Рустик не вернулся со своим ведром, и почти сразу исчезли Мансур и Лёвка. Люська насторожилась. Вскоре в дверях показался Володя, окружённый ребятами. В руках он нёс что-то длинное и чёрное. Мальчишки восторженно галдели и старались это потрогать. Усевшись на скамейки вокруг дворового столика, они наперебой стали о чём-то спорить. Володя острой щепочкой пытался очистить чёрную поверхность длинного изогнутого предмета. Слово «сабля» переходило из уст в уста. Прибежавший на шум Витя, Володин друг, предложил залить её керосином, чтобы снять ржавчину. Кто-то предлагал другие способы очистки. Все гадали, кому она могла принадлежать, красноармейцу или беляку. То, что сабля лежала в земле очень давно, не вызывало сомнения. И вышедший из подвала дядя Алёша, подержав её в руках и колупнув в нескольких местах ногтем, подтвердил, что сабля старая, времён Гражданской войны.

Он взялся за рукоятку, отошёл на несколько шагов, и с видимым удовольствием проделал несколько неуловимых движений. Сабля описала круг, а затем, со свистом, ловко заметалась в его руке. «Как в кино!», – с восхищением протянул Лёвка. Тут же мальчишки принялись гадать, а может это чапаевская сабля? Ведь он воевал где-то недалеко?! Но дядя Алёша строго осадил ребят, велел Володе унести саблю домой, потому что это, всё-таки, оружие, хоть и ржавое.

Из кухни доносится аппетитное чваканье. Тётя Нина кормит наработавшихся пацанов, тесно сидящих плечом к плечу за столом, супом с макаронами и Люська с удивлением отмечает, что не только ей, нравится тянуть вкусный бульон через дырку в макаронине. Дядя Алёша с удовольствием рассказывает жене, что бочонки уже определены и теперь он начнёт мастерить верстак. А там и за мебель примется. Опустевшие тарелки быстро наполняются жареной, лоснящейся от душистого сала, картошкой. Руки мальчишек поочередно тянутся к эмалированной площадке в середине стола, наполненной зелёным лучком и пупырчатыми огурцами. Разомлевшие от обильной еды, они уже не так быстро мечут ложки в рот.

Наконец, с едой покончено, чай выпит и все переходят в большую комнату. Сгрудившись вокруг большого стола под круглым абажуром, ребята забрасывают Володю вопросами о том, как произошла находка. Потом, обсудив это, затаив дыхание, слушают рассказы дяди Алёши о войне, потом вместе со взрослыми играют в лото. Люська, удобно устроившись в углу оттоманки, разомлев от тепла и уюта, тихонько засыпает под мерное жужжание голосов и шелест дождя за окном.

Первое путешествие

Счастливая улыбка блуждает по лицу Люськи. Она сидит рядом с мамой в вагоне притихшая, усталая, и очень нарядная. В новом пальто из драпа шоколадного цвета с тонкими белыми штришками, в розовой фетровой шляпке красивого, «не дикого», как сказала тётя Нина, оттенка и новых блестящих коричневых ботиночках, она кажется сама себе просто красавицей. Девочка мысленно продолжает крутиться перед большим зеркалом в магазине. Большой воротник пальто, как у матроски, лежит на плечах. И карманы! Ах, какие карманы!

Глубокие, с шелковистой гладенькой подкладкой. Сколько всего туда может поместиться!

Мама шлёпает её по руке:

– Вынь руки из карманов, неприлично.

Шляпка красивой причудливой волной поднимается надо лбом, и, завязанная на атласную ленту, надёжно скрывает непослушные волосы. Ну просто какая-то незнакомая девочка!

В окно вагона заглядывает заходящее, ещё тёплое сентябрьское солнышко. Вот и заканчивается этот удивительный день и первое Люськино путешествие. Они возвращаются домой.

Неделю назад мама и тётя Нина собрались за покупками в другой город, куда добраться можно было только по железной дороге. За лето Люська сильно подросла и мама решила взять её с собой. Предстояло купить дочке обновки к наступающей холодной осени.

И вот теперь сёстры оживлённо обсуждают прошедший день и делятся впечатлениями. Близится время отправления поезда и Люська начинает заметно нервничать. Она ёрзает на деревянной скамье, пытается уцепиться за мамину руку и подвинуться к ней поближе, но мама, увлечённая разговором, отмахивается от дочки. Видя, что все усилия напрасны, она начинает громко плакать. Женщины с минуту удивлённо разглядывают её, а потом, не сговариваясь, начинают хохотать. От обиды Люська заливается рёвом в три ручья и маме с трудом удаётся успокоить её. Только почувствовав себя в крепких объятиях, девчушка постепенно затихает, громко шмыгая носом и с трудом разлепляя слипшиеся от слёз ресницы на опухших красных глазах.

Под долгие всхлипывания она со страхом вспоминает, как ранним утром, сонная, она сидела на деревянной скамье вагона. Паровоз, тронувшись, сильно и резко дёрнул вагоны и девочка упала, сильно ударившись коленом и плечом,

Вагоны деревянные, окна в них небольшие. Паровоз сильно чадит и выбрасывает из трубы огромные серые клубы

дыма. Изредка он громко, с надрывом, переливисто свистит. Называется эта старая железная дорога «узкоколейка». И, только благодаря ей, можно вот так выбраться в ближайший большой город. Ближайший-то он ближайший, но находится довольно далеко, за горами и долами и уже в другой области.

Народу в вагоне немного и, успокоившись, Люська подходит к окну. Замерев и затаив дыхание, она простоит здесь до темноты, изумлённо вглядываясь в проплывающие за окном прекрасные, суровые, величественные виды Уральских гор, сдержанную фантастическую красоту дикой нехоженной тайги, маленьких бурных горных речек, скалистых кражей по их берегам, и на всю жизнь полюбит и горы, и тайгу.

«Парадный портрет»

– А Вы мужинский художник, дядя Федя? – наблюдая из-за спины за неторопливыми мазками кисти соседа и отчаянно икая, спрашивает Люська.

Дядя Федя неторопливо вытирает грязной тряпочкой кисть. Широкая его спина медленно поворачивается и вдруг он громко рывкает. Люська от неожиданности шарахается и перестаёт икать. Видимо довольный результатом, он громко и раскатисто хохочет.

– Это почему же я мужинский художник? – спрашивает он у остолбеневшей девочки.

– Му..., муж..., потому, что ваша жена женский врач, – лепечет она.

Брови дяди Федя медленно ползут вверх. И немного поразмышляв, он опять принимается хохотать. Люська немного приходит в себя и тоже начинает улыбаться.

– Ну что, отмякла? Не сердись на меня. Пришлось напугать тебя, чтобы ты перестала икать. Самый верный способ.

Как видишь, сработал. И, показав на стул, гортанным голосом произносит:

– Утргыз, кызым.

Люська уже знает, что по-татарски это приглашение сесть. Неторопливо выбирая другую кисть и размазывая на круглой, замысловатой формы фанерке несколько тонов краски, он терпеливо объясняет девочке, что жена его лечит женщин, а он работает для всех. Люська, склонив головку с торчащими непослушно волосами, и, болтая одной ногой, с интересом разглядывает таинственную, в тёмных тонах картину.

– А про что это, дядя Федя?

– Про что?

Коротко задумавшись, глядя долгим грустным взглядом на девочку, он начинает декламировать стихотворение на татарском языке.

– А это про что? – оторопевшая девчушка чувствует, что это стихотворение рассказано не ей, а скорее самому дяде Феде, или может быть, ещё кому-то.

– Это Муса Джалиль, слышала о таком поэте?

Люська отрицательно мотает головой и уверенно говорит:

– Это точно не про весёлое.

– Да, это точно не про весёлое, – тихо говорит художник.

Он тянется к широкой полке, беспорядочно заваленной кипами бумаги, книгами, какими-то коробками и вытягивает большой белый плотный лист. Подложив под него жёсткую картонную папку и уперев эту конструкцию в колено, он начинает быстрыми неуловимыми штрихами что-то наносить на чистую бумагу.

Беседа продолжается и, выяснив, что Люське больше нравятся весёлые стихи, дядя Федя начинает с Чуковского. Люська подхватывает и залиристо хохочет, глядя, как добрый сосед пытается в лицах изобразить букашачек, козявочек и другую сказочную живность. Поняв, что весёлая соседка знает всё и даже больше, дядя Федя морщит лоб.

– А вот это ты точно не знаешь, потому что оно написано совсем недавно.

Люська настораживается и мгновенно грустнеет услышав:

*В роце убили белку. Была эта белка – мать.
Остались бельчата мелкие, что могут они понимать?
Сели в кружок и заплакали.*

Карандаш художника летает по белому листу. Люська не замечает коротких цепких взглядов, она напряжённо ждёт: а что же дальше?

*Но старшая, векша лесная, сказала мудро, как мать:
– Знаете что? Я знаю: давайте будем лиять,
Мама всегда так делала.*

Люська с минуту озадаченно молчит, а потом личико её светлеет:

– А ещё? Почитайте что-нибудь ещё.

Дядя Федя поднимает палец вверх и некоторое время, помалкивая, работает, а потом продолжает неспешно:

*Свежая избёнка пахла стружкой.
Ростом же – с варяжскую ладью.
Девочка в окошке, как старушка:
– Самолёты летят. К дождю!*

Люська опять растерянно замолкает. Видно, что она силится уловить что-то. Видно, что стихи очень привлекают её. Чем? Художник, улыбаясь, внимательно поглядывает на неё и продолжает, уже не дождавшись просьбы:

*Растеряв на дорожке калошки,
Вбегают она, как мальчишка:*

*– Дидя, как ты думаешь, при кошке
Не стоит говорить, что я мышка?!*

Глаза Люськи восхищённо блестят. Она откинулась на стуле и открыла рот в немой улыбке:

– А кто это так говорит?

– Это внучка говорит своему деду, поэту Сельвинскому. А он всё это и на-пи-са-а-ал!

Дядя Федя удовлетворённо хмыкает:

– Ну вот, другое дело, а то причесали, видите-ли...

Девочка, ещё находясь под впечатлением необычных стихов, тихо соскальзывает со стула и с удивлением долго глядит на своё отражение в его руках.

– Мне нравится, а вот бабушке вряд ли, – задумчиво произносит она.

С белого листа на неё глядит она сама, озорная, лохматая, неуёмная и вроде бы даже красивая.

– А мы ей и не покажем пока, а то она опять причешет тебя, как тогда.

И Люська вдруг вспомнила, как на просьбу соседа – художника нарисовать девочку, бабушка, конечно же, из лучших побуждений, густо намазала непослушные волосы внучки репейным маслом и так туго заплела ей косы, что глаза у Люськи оказались подтянутыми к вискам. Дядя Федя покачал тогда головой и, взяв фотоаппарат, просто сфотографировал их со своей маленькой дочкой Алиёй.

– Вот и парадный портрет, – почему-то сказал он тогда.

А фотография та до сих пор хранится в семейном альбоме.

Фигурные коньки

Зима нагрянула неожиданно. Просто однажды утром Люська проснулась от необыкновенного света в комнате, под-

бежала к окну и громко засмеялась от счастья. Наконец-то! Всё было покрыто чистым белым снегом.

Под кроватью у неё давно лежали и тихо дожидались своего часа маленькие коньки-снегурки. Но оказалось, что радовалась она рано. Выбежав на улицу и вспахав валенками пушистый снег, она поняла, что по смерзшейся неровными кочками дороге, прикрытой сверху рыхлым снегом, не очень-то покатаешься. Ну и ладно! Всё равно зима уже пришла, и теперь-то уж точно недолго осталось дожидаться хорошей укатанной дороги.

Люська и подумать не могла, что впереди её ждёт большой сюрприз. Через несколько дней мама принесла в сумке большой бумажный пакет и позволила дочке самой распаковать его. Быстро порвав несколько слоёв плотной бумаги, Люська с пронзительным визгом вытащила новенькие белые ботиночки с лезвиями:

– Фигурные коньки! Фигурные коньки! – громко верещала она, бегая по комнате вокруг стола и сжимая их в объятиях.

Мама, довольная, улыбалась. Бабушка притворно зажала уши, но по её глазам было видно, что ей тоже всё это очень интересно. Люська вдруг остановилась, как вкопаная;

– Мам, а где же на них кататься?

– Не переживай, в воскресенье нас ждут на катке, – улыбаясь сказала мама.

– В воскресенье? А кто нас ждёт?

– Тренер и другие дети. – Последние слова мамы потонули в радостных воплях дочери.

И вот, дрожащая от волнения и нетерпения Люська стоит на льду катка и пытается освоиться в новой обстановке. Мама передела её в раздевалке, как капусту, в тёплые вещи. Надела две пары носок, потому что ботинки были на два размера больше, а тренер Юрий Николаевич легко взял её подмышки и вынес на огороженный островок катка, где растопырив руки в стороны, неуверенно и тяжело перебирая ногами, падали и,

неуклюже подняв попы, пытались подняться ещё несколько малышей.

Люська осторожно поозиралась и решила, что пора двинуться с места. Она легонько качнулась вправо и, двинув ногой, немного проехала по катку: «Ух, получилось», – радостно пронеслось в её голове, и быстро подтянула левую ногу, чтобы не упасть.

Через несколько минут она, уже довольно уверенно балансируя руками, короткими шажками катилась по льду к краю площадки. Не успела она подумать, как ей развернуться, или затормозить, как сзади послышалось быстрое чирканье острых лезвий по льду и сильные руки тренера подхватили её и повернули в другую сторону.

– Ты уже каталась на коньках? – весело спросил он зардевшуюся подопечную.

Люська отрицательно помотала головой и с удовольствием, короткими штрихами, покатила в обратную сторону. Тренер какое-то время катился рядом, а потом быстро направился к упавшему неподалёку мальчику, подбадривая его и помогая

встать на ноги. Он что-то громко говорил всем, что-то объяснял, но увлечённая девочка ничего не слышала. Постепенно шаги её становились всё шире, штрихи всё длиннее, а когда вдруг объявили, что занятие закончилось, разочарованию Люськи не было предела.

Тренер зашёл в раздевалку, где мама переодевала ревущую дочку. Люська затихла и уткнулась мокрым лицом в мамино пальто. Юрий Николаевич о чём-то весело поговорил с мамой, потрепал девочку по лохматой головке и ушёл.

Дома радостная мама рассказывала бабушке, что тренер не поверил, что девочка первый раз встала на коньки, и что приняли её безоговорочно, а Люська, молча, ела, обжигая рот горячими щами, вспоминая, как во сне, приятное чувство полёта. И ощущение радости не покидало её.

Начались приятные хлопоты. Бабушка шила рыжего оттенка тёплое шерстяное платье с очень пышной короткой юбочкой «солнце-клёш», а потом – стёганую ватой и красиво, узорами, отстроченную байковую курточку, которую мама со всех сторон оторочила неширокими полосками меха от старого воротника. Получилось просто загляденье. Люська с удовольствием крутилась перед зеркалом. А мама тем временем вязала шерстяные, с пуховой ниткой гамашки.

Крытых катков в то время в нашем городе не было, а зимы были настоящими, морозными. Поэтому и старались детей одеть потеплее, а занятия для малышек не были слишком длинными, с перерывами на обогрев.

И потянулись счастливые зимние деньки. В ожидании выходного дня Люська терпеливо ходила в детский сад, дома старалась слушаться бабушку, не раздражать её. А в воскресенье, ближе к полудню, мама одевала её потеплее, и выходила к подъезду проводить на тренировку. Вскоре к ним подбегала большая немецкая овчарка Альма, а следом подходил её хозяин, – Юрий Николаевич и ещё двое ребят постарше, живущих где-то поблизости. Тренер брал Люськины коньки,

связывал их особым узлом за шнурки и вешал на спину Альме. К катку они подходили весёлой гурьбой. Альма тащила уже три пары коньков самых маленьких фигуристов.

Только однажды за эту зиму девочка простудилась и сильно заболела. Любимого дедушки рядом не было и на уколы вечерами нужно было водить Люську к какой-то медсестре. Решили, что провожать её будет старший брат Володя.

Он явно был недоволен этим, но послушаться взрослых не мог, а потому всё своё недовольство вымещал на сестре. Особенно на обратном пути он язвительно выпрашивал её, куда ей делали укол и довольный хохотал и подтрунивал над ней. Люська молчаливо всё сносила. Между ними никогда не было тёплых отношений, и ничего хорошего от него девочка не ждала.

К весне начались занятия по хореографии. Бабушка сшила внучке белые тапочки и белое подходящее платьице без рукавов, с коротенькой пышной юбочкой. Люське нравилось стоять у станка перед зеркальной стеной и под музыку Дунаевского выполнять плавные упражнения.

Второе путешествие

– А тебя к отцу отправят на всё лето! – с холодной усмешкой процедил Володя.

Люська внутренне съёжилась и надолго задумалась. Она вопросительно заглядывала маме в глаза, но мама и бабушка молчали. Всё было как всегда, дни шли за днями и девочка успокоилась. Она боялась задавать вопросы на эту тему, как не могла ещё разобраться в своих ощущениях и чувствах. Но однажды Славик радостно сообщил сестре, что скоро её ждёт путешествие на самолёте. Люська не знала, что и думать. Мысли о путешествии возбуждали её любопытство, а об отце она совсем ничего не знала. Мама никогда не говорила о нём.

На этот раз долго ждать не пришлось. В воскресенье, после обеда, мама собралась в магазин и взяла дочку с собой. Она сказала, что нужно купить кое-какие подарки. По дороге выяснилось, что у Люськи есть ещё бабушка Надя, папина мама. Люська её не помнит, но они виделись часто, когда она была совсем маленькой. И ещё у неё есть старший на два года сводный брат Юра, он живёт с отцом. А папа прилетит скоро и отвезёт дочку в гости, познакомиться со своими родственниками. Люська побудет у него столько, сколько захочет, хоть всё лето. Мама пытливно поглядывала на девочку, но та задумчиво помалкивала, и мама успокоилась. Люська всё поняла и вопросов не задавала. Она поняла, что возражать не было смысла, ведь у взрослых всё было уже решено. И хотя этой весной ей исполнилось шесть лет, никто не спросил её, хочет ли она поехать к отцу.

Вот и позади уже шумная суета сборов и проводы на аэродром. Позади маленькая бирюзовая точка – мамино платье. Люська держится одной рукой за ручку чемодана, который несёт отец, а другой держит белую панамку, которую шаловливый ветер норовит сорвать с её головы. Вблизи самолёт кажется большущим. Отливая на солнце серебристым металлом, он стоит, задрав нос и опустив хвост. Из щетинистой травы видно совсем небольшое надутое колесо, на которое опирается хвост. На широких сильных крыльях видны пропеллеры. Всё как на картинках в книжке. Взобравшись по железным ступеням трапа, девочка нетерпеливо заглядывает внутрь.

– Ух ты! – невольно вырывается у неё вздох удивления.

Она оказалась внутри живота самолёта. Сзади её подталкивает отец и Люська по чёрной резиновой ребристой дорожке идёт, как в гору, к открытой двери в кабину пилотов. Но рука отца ложится на её плечо и девчушка оборачивается. Отец приторачивает куда-то чемодан. Кругом пассажиры тоже заняты обустройством. Закрепляют на полках багаж и рассаживаются по бокам самолёта на длинные скамьи.

Не успев опомниться, Люська оказывается уже сидящей на скамье и пристёгнутой к ней широкими ремнями. Немного повозившись с ними, чтобы утянуть их по дочкиному размеру, отец быстро усаживается рядом. Всё так необычно! Сидеть неудобно. Все сидят скособочившись, из-за наклона самолёта. Многие, как и Люська, с любопытством озираются. Некоторые волнуются, это видно. Мимо кто-то проходит, проверяет ремни, и в руках у пассажиров начинают шуршать какие-то серо-зелёные плотные бумажные пакеты. Кто-то сразу открывает их. Между Люськой и отцом сзади иллюминатор, но смотреть в него неудобно, видна только изумрудная трава. В овальном проёме двери появляется пилот в красивой синей форме и фуражке с кокардой. Он громко здоровается со всеми и с улыбкой и какими-то шутками уверенно проходит в свою кабину.

Двери закрыты. Через несколько минут томительного напряжённого ожидания взревел мотор и самолёт, подпрыгивая на небольших кочках, начал движение по лётному полю. Манёвры эти Люське не понравились. Скамья была жёсткой и все кочки и ямки худенькая девочка ощущала болезненно. Хорошо ещё, что были ремни!

Самолёт вдруг развернулся и остановился. Через мгновение резко взревевшие моторы вывели девочку из напряжения. Зажав уши руками, она со страхом посмотрела на отца, но тот спокойно улыбнулся ей в ответ. Все вокруг тоже казались невозмутимыми, несколько пассажиров весело улыбались ей, и Люська успокоилась. Самолёт вдруг сорвался с места и быстро понёсся по полю. Девочка то хваталась за скамью, то зажимала уши руками, но скоро всё это прекратилось, пассажиры незаметно выровнялись на скамьях и самолёт, будто повис в воздухе. Продолжали громко реветь моторы, но к этому рёву уши постепенно притерпелись.

Прислушиваясь к незнакомым ощущениям, она пыталась понять: как это – лететь на самолёте? Самолёт, тем временем,

набрал высоту, и все вздохнули спокойно. Кто-то пытался перекричать рёв моторов, переговариваясь с соседом, кто-то развернул газету. Вскоре началось самое интересное. Воздушные ямы, от которых заходится и выпрыгивает сердце, и что-то ухает и замирает в груди, привели девочку в восторг. Где-то рядом и напротив несколько пассажиров склоняются над пакетами, слышится приглушённое «бьякание». Люська сочувственно опускает глаза. А вот ей нисколечко не плохо и не страшно. Она разворачивается бочком под ремнями и с интересом глядит в маленькое оконце-иллюминатор на плывущие рядом и внизу кудрявые облака, зелёные высокие горы, тонкие ниточки рек, блестящие блюдца озёр. Отец держит в руках, на всякий случай, тёмный плотный пакет, время от времени поглядывает вопросительно на дочь. Они почти не разговаривают. Люська на все вопросы старается отвечать коротко, а чаще кивком головы. Ей всегда нужно привыкнуть и присмотреться, и только потом она сближается с человеком, или... не сближается. Взрослые говорят, что у неё сложный характер. А чего тут сложного?! Просто она хорошо чувствует людей.

Полёт длится минут сорок. Горы уже закончились, и маленькие городки и деревни кажутся с высоты игрушечными. Реки здесь гораздо шире, чем в их горах. Поля и огороды расчерчены как по линейке на разноцветные квадраты и прямоугольники и вообще, глаза невозможно оторвать от проплывающих картин. Пакет не понадобился. Самолёт делает широкий разворот в небе, снижается и девочка замечает впереди короткую, зелёную, ровную дорожку. Туда-то они и устремляются. Ещё несколько минут и, опустив хвост и задрвав нос, самолёт подруливает к какому-то маленькому зданию с красным флагом на башенке. Напоследок громко взревев, моторы затихают, и лопасти плавно останавливаются.

Здесь сильный ветер. Широкие белые полотняные брюки отца хлопают и трещат на ветру. Люськина панамка сразу

свалилась за спину и трепещется там, зацепившись завязками за шею, а девчушка одной рукой изо всех сил цепляется за ручку чемодана, а другой пытается как-то удержать своё платье, которое ветер, кажется, вот-вот сорвёт с неё и унесёт неведомо куда. Наконец все пассажиры добираются до спасительного здания, над входом которого Люська успевает прочесть непонятное название. Их никто не встречает, потому что дальше надо добираться на поезде, а потом ещё на машине.

Долгое ожидание, переезды, множество дорожных впечатлений отбирают у маленькой путешественницы остатки сил и последнее, что она чувствует, – это чьи-то очень мягкие и ласковые руки, принимающие её из рук отца...

«Где ты была так долго?»

«Ку-ка-ре-ку!», – раздаётся где-то совсем рядом. Мгновенно проснувшись, но, не открывая глаз, девочка пытается ощутить обстановку, в которой оказалась. Щека тёплая, наверное, солнечный лучик нагрел её. Кажется рядом окошко, шаловливый прохладный ветерок пытается пошевелить непокорные волосы. Слышен лёгкий скрип двери и в образовавшуюся щёлку врывается душистый сладковатый запах ванильной выпечки. Кто-то тихо подходит к кровати. Люська крепче зажимает глаза и слышит тихий грудной ласковый смех:

– Проснулась, детонька моя!

Люська приоткрывает глаза щёлочкой. Над ней склонилась... ну, конечно же, это бабушка Надя! Добрые лучики мягких морщинок светятся на её круглом лице, и вся она тёплая, ласковая, любимая, Девочка поднимает руки и, открыв глаза, тянется навстречу её объятиям.

– Бабушка Надя, где ты была так долго? – спрашивает она шёпотом, боясь нарушить волшебное мгновение узнавания.

Бабушка присаживается на край кровати, склоняется над внучкой, которую не видела долгих пять лет, и они надолго замирают, обнявшись. Потом бабушка просит:

– Ну, покажись, какая ты стала!

Люську не надо просить дважды. Она вскакивает и радостно вытягивается во весь рост. Бабушка нарочито изумлённо хватается за голову:

– Ну и ну! Да какая же ты высокая и красивая!

Её слова звучат так искренне, что Люська с радостью им верит. В дверь просовывается аккуратно подстриженная мальчишеская головка и с улыбкой и любопытством быстро разглядывает девочку:

– Сейчас будем завтракать, Юрик, – воркует бабушка Надя, одевая внуку.

Хотя Люська привыкла делать это сама, она не противится, послушно вытягивая по очереди руки и одёргивая платье. Оглядев лохматую головку внучки, с изрядно перепутанными вчерашним ветром прядями, бабушка вынимает из своей головы круглую коричневую гребёнку и начинает лёгкими невесомыми движениями снизу расчёсывать волосы внучки. Совсем скоро головка девочки преображается. Люська с удовольствием разглядывает в зеркале две косички-кренделька, с красиво завязанными бантами.

На столе стоит блюдо с творожными маленькими ватрушками и большой кувшин молока. Девочке всё здесь нравится: и стол с красивой льняной скатёркой, и табуретки с пропиленной прямоугольной гладкой дыркой, чтобы удобно было переносить их, и пышные соцветия герани в больших горшках на окнах, и ситцевые, в мелкий цветочек, лёгкие занавески на окнах, и полосатые домотканые половички на жёлтом, с широкими досками, полу.

В горнице светло и чисто, но и не совсем по-деревенски. Нет на стенах фотографий, собранных под стеклом в большой раме, которые можно часто встретить даже во многих город-

ских квартирах. Есть этажерка в углу с красивыми, вышитыми крестиком салфетками на каждой полочке, красивой вазочкой и фарфоровыми статуэтками. Большой книжный шкаф, доверху забитый книгами. Нет привычной даже в городе горки с тарелками над посудным шкафчиком. Есть большой резной буфет.

За столом уже сидит сводный старший брат и с улыбкой поглядывает на сестрёнку. Он явно нравится Люське и она спокойно садится рядышком с ним. Бабушка неторопливо наливает из кринки молочко по кружкам, садится напротив и с удовольствием глядит, как внуки расправляются с ватрушками.

– А ты почему не завтракаешь, бабушка Надя? – спрашивает внучка.

– Да и я поем с вами, просто боюсь, не подгорели бы ещё плюшки в печи. Вот выну их, и присоединюсь к вам.

После завтрака Юрик тянет сестру показать их городок: речку, пруд, лесопилку, школу, где он учится и где работает директором их отец. Оказывается, он преподаёт математику и историю у старшеклассников. Но девочке не хочется уходить от бабушки, она так и липнет к ней, спрашивая, не нужно ли помочь ей чем-то. Бабушка ласково обнимает её и легонько толкает к брату:

– Идите, погуляйте, успеешь ещё помочь мне.

Удивительный дед Укол

Дети выбежали за ворота:

– Вот там центр, школа и большой школьный двор, – брат показывает рукой направо. – Вот там лесопилка, там очень интересно, – тянет он руку налево. – Вот там, за домом, большой пруд, а там, – Юра неопределённо машет рукой куда-то в сторону, – река. Только туда без взрослых нельзя, там очень быстрое течение. Ну, выбирай, куда пойдём?

Люська растерянно озирается, потом показывает налево, в сторону лесопилки. Брат довольно улыбается:

– Правильно! Пойдём, я тебя познакомлю с дедом Уколом.

Лицо Люськи вытягивается:

– С кем? – округлив глаза, спрашивает она.

– С дедом Уколом! – спокойно повторяет Юра. – Вообще-то его зовут Терентий Вуколович, но все зовут его просто дедом Уколом. Он здоровский, вот увидишь!

До лесопилки не так уж близко, но видимо все в этом городке, больше похожем на большую деревню, привыкли ходить пешком на любые расстояния, в чём Люське очень скоро пришлось убедиться самой. Хотя, когда идёшь вдвоём с интересным собеседником, расстояние вообще не имеет никакого значения. Юра тоже был рослым ребёнком, и хотя перешёл во второй класс, выглядел взрослее и уж точно знал больше многих своих сверстников. Он оказался очень интересным рассказчиком

За разговорами они не заметили, как оказались перед большими железными воротами. Въезд в них преграждала длинная цепь, протянутая поперёк. Рядом стояла деревянная будка для охранника. Юрик поднырнул под цепь и жестом показал сестре следовать за ним. Девочка с опаской покосилась на окно будки, но увидев, что на детей никто не обращает внимания, осмелела и бросилась догонять брата. Ворота большого цеха были открыты, и оттуда доносился нестерпимый визг распиливаемых досок. Юрик расхохотался, когда Люська сказала ему об этом, и поправил, что визжат не доски, а пилы, но девочка, зажав уши ладонями, отрицательно помотала головой.

Вскоре они сидели в сторожке деда Укола и пили чай с ягодами. Дед Укол неторопливо двигался от стола к доморощенному покосившемуся кухонному шкафчику, подставляя на стол то блюдечко, то горстку разноцветных наломанных сухариков. Он с ласковым прищуром поглядывал на детей, и, обутый среди лета в короткие шаркающие пимы, больше

походил на маленького юркого старичка – лесовичка. На его худеньких сгорбленных плечах колом топорщился тонкий изношенный ватник без рукавов, превращённый в жилетку. А под ней – весьма неопределённого цвета рубашка. Неказистый вид деда не скрывал, однако, его необыкновенной доброты, которая так и сквозила в его лучистом взгляде светлых выцветших глаз, и в симметричных морщинках его небритого щетинистого лица, и в застенчивой улыбке небольшого рта с торчащими кое-где пеньками – остатками зубов.

Жил он, мягко говоря, небогато. В углу тёмной закопченной сторожки девочка заметила топчан, с неприкрытым никакими простынями матрацем, мятую странную подушку и скомканное у стены одеяло с торчащими из мелких дырок клочками серой ваты. Всё вокруг было серым, светился лишь дед Укол. Видно было, что он рад нагрянувшим гостям и с удовольствием чаёвничает с ними.

Люська слушала и не слушала разговоры двух мужичков. Она напряжённо о чём-то думала. Заметив на маленьком оконце пустую полулитровую банку, она встала из-за стола и вышла из домика, а вскоре вернулась с букетиком цветов и разнотравья, росших тут же, неподалёку, вдоль забора и под деревьями. Налив ковшиком воды из ведра в банку, девочка поставила букетик на стол. Юрик удивлённо посмотрел на сестру, а дедушка сухонькой рукой с узловатыми пальцами осторожно погладил её по голове.

– Дедушка, а у тебя есть веник? – деловито спросила маленькая хозяйка. Дед Укол поднял голову, брови его поползли вверх:

– А ну ка, Юраш, наломай нам веник – удивлённо и весело сказал он.

Брат быстро вскочил и исчез. Люська помогла деду убрать со стола и стала мыть в небольшом алюминиевом погнугом тазике стаканы.

– А вот и веник! – раздался задорный возглас старшего брата.

– Дай-ка, дай-ка его сюда.

Дед Укол взял охапку наломанных веток и, быстро уложив их комелёк к комельку, аккуратно и крепко перевязал бечёвкой. Потом острым ножом обрезал верхушку образовавшейся рукоятки веника и, довольный проделанной работой, встряхнув, протянул его девочке.

Люську ещё нельзя назвать заправской хозяйкой. Пожалуй, ей впервые так сильно захотелось помочь этому удивительному дедушке, чем-то порадовать его. Она много раз видела как мама и бабушка подметают пол, поэтому, не раздумывая, она взялась за дело. Понаблюдав с минуту за ней и удовлетворённо хмыкнув, мужчины вышли из домика. Через некоторое время, уже подметая крылечко, Люська застала их за странным занятием: вооружившись перочинными ножиками, они старательно что-то вырезали из деревянных обрезков, удобно устроившись на завалинке.

Позже, у бабушки за обедом, разглядывая красивые занавески на окнах, Люська спрашивает:

– Бабушка Надя, а у тебя нет каких-нибудь стареньких занавесок, ненужных уже?

Бабушка озадаченно молчит, а Юрик, улыбаясь, объясняет:

– Я знаю. Это она для деда Укола. Она сегодня у него порядок наводила, полы подметала.

Бабушка Надя, радостно зардевшись, торопливо говорит:

– Ну конечно найдём! Сегодня же и поищем.

Внучка счастливо жмурится, а потом спрашивает:

– Бабушка Надя, а почему он на лесопилке живёт? Почему у него нет дома?

– Был у него дом, хороший, сам и построил. Руки-то у него золотые. И семья была, два сына. Да оба на войне погибли, один за другим, в самом начале, вот так. Паша-то его, Прасковья, первая похоронку получила в нашем посёлке. Терентий

с лесопилки прибежал, работал он там, а Паша без памяти в снях лежит. А потом вторая похоронка пришла... Прасковья как-то быстро угасла, не пережила детей-то, затосковала. Терентий днями и ночами на работе. А тут эвакуированных прислали, стали по домам размещать, ну, он и отдал дом-то семье большой, а сам вот в сторожке по сю пору. До сих пор вроде на работе, сторожем. Вот так-то, дети мои, – вздохнула бабушка.

– А почему я об этом не знал? – морщит лоб Юрик.

– Так ты не спрашивал, – ласково улыбнулась бабушка.

– А папа тоже на войне воевал? – не унимается внучка.

– А как же! У него и наград много, я тебе покажу потом, – радостно сообщает брат.

И Люську впервые тоже охватывает чувство гордости, за отца и за себя.

Педсовет

Всё-таки странный он человек – Люськин отец. Взял и привёл ей подружку. Так и сказал:

– Вот тебе подружка. Её тоже зовут Люся.

Эта самая сопливая Люся, сразу не понравилась ей. Ещё и язык показала, спрятавшись за спину отца. Ну, Люська, не долго думая, и окатила её водой из резиновой рыбки. Люся эта разнылась и убежала.

Вечером у отца собрались гости. И Люська теперь стоит зачем-то перед гостями отца и выслушивает в свой адрес разные неприятные глупости: и плохой-то она товарищ, и грубиянка, и не уважает старших, и плохая, оказывается, у него дочь.

Люську, почему-то, это не трогает и ей совсем не стыдно за свой поступок. Она точно знает, что друзей и подруг не приводят. Их выбирают сами.

Она переминается с ноги на ногу и терпеливо ждёт, когда закончится это странное представление. Гости притворно ахают, но, похоже, тоже не могут дождаться, когда усядутся за накрытый стол. Люська слушает строгий голос отца и по его интонации пытается понять: он что, действительно так думает, или пытается напугать её? В дверях показывается бабушка и молча, укоризненно смотрит на сына.

– Мама, не вмешивайся! – строго говорит ей отец.

Люська изумлённо смотрит прямо ему в глаза и отец, вдруг смешавшись, как-то неуверенно произносит:

– Ну ладно, иди пока, потом поговорим.

Девочка помедлив, выходит. Они идут на бабушкину половину дома и по дороге бабушка Надя ворчит:

– Устроил тут, педсовет.

– А что это такое, педсовет? – спрашивает внучка.

– Да вот, то самое, что и было, – глядя девочку по голове, грустно произносит бабушка.

«Полезная» крапива

Юра решил научить сестру кататься на своём велосипеде. У него «Школьник», настоящий мальчишеский, с рамой. Дети направляются на школьный стадион. Юра ведёт свой «велик», а Люська вприпрыжку бежит рядом. Она возбуждена и тараторит без передышки, что у неё тоже есть велосипед, только он поменьше, но дядя Алёша уже поднял у него сиденье и руль.

– А цепь у твоего велосипеда не спадёт? – интересуется она. – А то, как же я сумею остановиться?

Брат успокаивает её: папа всё отрегулировал, да он и сам уже разбирается во всём этом.

В школе идёт ремонт, и отец каждый день ходит на работу. На школьном дворе, у крыльца, стоит старенький грузовик. Задний борт у него откинут и по широким крепким доскам

трое мужчин в чёрных сатиновых халатах пытаются перекачать бочки с краской на школьное крыльцо.

– Завхоз, учитель по труду и директор, он же отец, – комментирует Юра.

Девочка оборачивается. Действительно, в одном из сатиновых халатов она узнаёт отца. Он широко улыбается и велит, чтобы его подождали, он сейчас придёт на стадион.

Школьный стадион довольно большой. Люська садится на скамью, а Юрик на велосипед и, накручивая круги по стадиону, показывает сестрёнке, на что способен он и его железный конь. Солнышко припекает. Люська оглядывает всё кругом и терпеливо дожидается своей очереди. Деревянные скамейки покрашены, а вот буйные заросли крапивы по бокам стадиона не выкошены. И штакетины у забора вкривь и вкось висят. За забором, чуть поодаль растут две высокие ракиты, и в тени их шатра лежат два телёнка.

Вскоре приходит отец, подъезжает брат, и девочка с их помощью взбирается на высокое седло велосипеда. Но ноги её только носками сандалий достают до педалей и отец, достав инструменты из кожаного пенальчика, висящего на ремешках сзади седла, специальным ключом развинчивает гайки и опускает седло вниз. Девочка опять садится на велосипед. Кажется нормально.

И тут происходит неожиданное. Отец изо всех сил толкает велосипед и кричит вслед:

– Давай-давай, крути педали, крути сильнее!

Велосипед словно выпущенная стрела несётся по прямой дорожке школьного стадиона. Испуганная Люська нажимает ногой на педаль и вдруг, с ужасом понимает, что там, внизу, куда педаль провалилась, нога не достаёт до неё. Девочка съезжает набок на неудобном седле, пытаясь дотянуться до педали. Мешает рама. Руль начинает дрожать в её руках и быстро виляет вместе с передним колесом. Сзади что-то отчаянно кричит Юрик. Приближается поворот и девочка пони-

мает, что ей не справиться с большим велосипедом. На полном ходу она врывается в матёрые заросли крапивы и валится вместе с ним набок.

Ошалев от боли, с трудом высвободившись из-под рамы, она вскакивает на ноги. Жгучая боль, обида, недоумение душат её. Девочка громко кричит и плачет, прыгая на обожжённых ногах и щипая и хлопая себя по голым рукам. Увидев, что к ней бежит отец, не желая видеть и слышать его, Люська поворачивается, и громко крича и не обращая внимания на ожоги, продирается сквозь крапиву к забору. Выбравшись сквозь дырку наружу, она быстро убегает от того, кто называет себя её отцом.

Измученная и обессиленная появляется она в сторожке деда Укола. Всплеснув тонкими руками, он без лишних слов откидывает крышку погреба в полу, помогает девочке тихонько спуститься вниз и вскоре появляется, осторожно держа стеклянную банку с чем-то белым. Люська тихонько плачет и подвывает от боли, пока дед аккуратно намазывает покрытые крупными волдырями лицо, руки и ноги бедолаги.

– Это простокваша, простокваша, – мягко «окая», приговаривает он. – Ничего, ничего, моя хорошая, это всё заживёт, ишшо крепче кожа-то будет. Меня знаешь сколько раз стрекала крапива-то? У-у-у, без счёту, а я вона, глякось, живу, да живу себе. И ты ишшо крепче будешь. Она, крапива-то, очень полезная. А ты считай, что витаминов в себя приняла! Вот, тебе и полегче станет. Пройдѐ-о-о-т, всё пройдёт, миленькая моя, всё как есть заживёт.

Люське действительно становится легче, то ли от простокваши, то ли от прохладного погреба, то ли от тёплого воркования деда Укола. Дедушка берёт с полки кринку и даёт попить прохладного молочка девчужке. Люська сидит на нижней ступеньке погреба в одних трусах, намокших от стекающей ручьями со всего тела простокваши. Глаза у неё распухшие, слышны ещё редкие всхлипывания, но она уже успокоилась. Наверху послышались голоса, и в погреб спустился Юрик.

Взглянув на удручающую картину, он торопливо говорит, что не сказал отцу, где она может быть, но бабушка сама догадалась и скоро тоже придёт сюда.

Увидев внуку, бабушка Надя заплакала, потом накинула на неё принесённый с собой кусок какой-то старой простынки и, жарко поблагодарив Терентия Вуколовича, повела страдалицу домой. Несколько дней Люська пролежала с температурой. Отец порывался зайти к ней, но девочка отворачивала лицо к стенке и, молча, начинала разглядывать прикроватный коврик. Она слышала, как за дверью бабушка что-то втолковывала отцу, но всё это было ей не интересно.

Люську учат плавать

Спустя неделю брат и сестра плескались в пруду. Люська ещё не умела плавать и поэтому купалась возле берега, на мелководье. А Юрик плавал уже прилично. Он притащил сестре несколько белых лилий на длинных, как верёвки, стеблях. Пруд был небольшой, вода в нём была чистая, хотя слой бархатистого ила, покрывающий дно, и поднятый Люськиными ногами, и замутил воду у берега. Разноцветные маленькие голубые и зелёные стрекозы летали у самой воды, садились на длинные узкие листы камыша и норовили присесть на голову девочке.

Дни стояли жаркие. Раскалённый солнцем воздух, казалось, звенел и переливался волнистыми текучими струями. Ребята что-то кричали друг другу. Юра не хотел валандаться у берега, а Люське хотелось поскорее научиться плавать, и она старалась повторять размашистые движения рук брата. Он как-то ловко выбрасывал из воды локти вверх, и быстро и незаметно погружал руки в воду. Брат, издали наблюдая за попытками сестрёнки, поправлял и показывал ей движения.

Люська не заметила, как к пруду подошёл отец. Он встал в отдалении и, улыбаясь, наблюдал за детьми. Увидев, что дочь

заметила его, он предложил научить её плавать. Люська поколебалась. Какой-то холодок появился в её груди, но подумав, что отец сочтёт её трусихой, она кивнула головой. Странно, но отец не стал раздеваться и не полез в воду. Вместо этого он подошёл к длинным мосткам и позвал дочку к себе. Юра тоже подплыл к мосткам и в ожидании смотрел оттуда на сестру. Люська, почему-то уже без настроения, вышла на берег и подошла к отцу.

– Не бойся, – сказал он, – главное – гребни руками и ногами, поняла? Берег-то рядом, и Юра тебя подстрахует.

Он взял её за руку и пошёл к краю мостков. Девочка, понурив голову, шла рядом. В голове её теснились беспокойные мысли, но увидев внизу, в воде, улыбающегося брата, она вдруг поняла, что просто не сумеет отказаться. Она и не поняла толком, как очутилась в пруду. Кажется, отец просто взял её за руки и опустил в воду.

Очнулась она, когда её ноги коснулись холодного нижнего слоя воды, и поняла, что дна она не достаёт. Паника мгно-

венно охватила девочку. Худенькие её косточки вода не держала и она столбиком пошла вниз. Ледяной холод коснулся её живота и боков, и Люська отчаянно забарахталась, пытаясь выбраться на поверхность. Хватанув воздуха и наглотавшись воды, девочка опять пошла вниз. Сквозь толщу воды широко раскрытыми глазами она видела стоящего на мостках отца, размахивающего руками и что-то кричащего то ли ей, то ли сыну. Девочка опять забарахталась и показалась на поверхности. Она почувствовала, как кто-то подталкивает её сзади под руку. Но усилия эти оказались слабыми и, сделав очередной глоток, Люська вновь скрылась под водой. В голове её слабо мелькнула мысль о предательстве отца, потом возникла перед глазами морда его злоющего цепного пса Джека, потом заплаканное лицо мамы...

Открыв глаза, девочка увидела над собой испуганное лицо брата и взволнованного, обеспокоенного, в мокрой одежде отца. Она села и съёжилась в комочек от колотившего её холода. Зубы громко стучали, с волос текли холодные ручьи по спине. Отец с досадой выдохнул:

– Да тут же по колено!

– Нет, пап, тут глубоко, все тут ныряют, и внизу ключи бьют, ты что, забыл? – тихо проговорил Юрик.

Они ничего не сказали бабушке, чтобы не расстраивать её, но Люська решила, что теперь будет держаться подальше от отца.

Игры

Дети много времени проводили у деда Укола. Юра вырезал ножиком пистолетики, дед помогал ему, а потом, собравшись большой компанией, играли в войну. У брата был целый арсенал деревянного оружия, был даже автомат, выкрашенный чёрной краской, прямо как настоящий.

Люське позволялось выбрать пистолет, ну, ещё, может быть, деревянный нож, для рукопашного боя. Люська с опаской отказывалась от ножа, она понимала, что ей не справиться с разъярёнными мальчишками. Она предпочитала сидеть в кустах, в засаде, или быть связной. И ещё, ей нравилось вместе с большой оравой ребят бежать в атаку и кричать во всё горло победные клики. В груди у неё что-то ширилось, ликовало. Девочку распирало от чувства солидарности, от того, что она со всеми заодно, и все они за правду.

Дни проходили за днями. Дед Укол находился теперь под постоянной опекой детей. Юра организовал тимуровскую команду, и теперь по очереди дети приводили в порядок его комнатуху, бегали в магазин, чистили картошку в закопчённую кастрюльку, подтаскивали от цеха ненужные обрезки досок и аккуратно складывали в поленницу, для зимней растопки маленькой печки. На вымытом оконце красовались чистенькие занавески бабушки Нади. Она же выделила Терентию Вуколовичу не новое, но чистенькое постельное бельё и домотканый половичок. И, поскольку у дедушки были какие-то деньги, помогла ему купить в сельповском магазине новое ватное одеяло и перовую подушку.

А однажды, сидя на завалинке и греясь на солнышке, дедушка подозвал Люську и протянул ей вырезанную деревянную куколку.

– Будет, воевать-то, – мягко проговорил он. – Девочкам не об этом думать надобно, вот так-то, – и вздохнул, улыбаясь.

Люська взяла в руки куколку и глаза её заблестели. У неё была всего одна кукла, сшитая мамой, но такой, ладненькой, не было ни у кого из её подружек. Как это получилось у дедушки Укола, но ручки и ножки у неё двигались! Личико и прядки коротких волос были аккуратно вырезаны. Она долго разглядывала её, а потом уткнулась деду в бок и что-то горячо зашептала. Растроганный дед Укол пообещал ей сделать для куколки и кроватку. Счастливая девочка тихонько засмеялась.

На пасеке

Отец засобирился к другу, на пасеку. Он долго уговаривал дочку пойти с ним. Юра взахлёб рассказывал как там интересно, но Люська упрямо отмалчивалась. Ей не хотелось на целый день оставаться с отцом. И ведь уговорили-таки! Отец сказал, что собирается взять щенка у друга и пообещал, что они возьмут того, который понравится ей. Ну какое же детское сердечко откажется от счастья потискать щенков и поиграть с ними. Девочка сдалась.

Подняли детей рано. Половину дороги они проехали на грузовике. В кабине было тесно. В кузов, с братом, отец не пустил дочку, и она сидела на коленях отца, притиснутая к железной панели. Переднее стекло грузовика было приподнято снизу, и в довольно широкую щель врвался тёплый шаловливый ветерок. Кругом колосились поля, встречались небольшие посадки деревьев, а на горизонте темнел широкой полосой лес.

Вскоре, распрощавшись с весёлым шофёром, трое путешественников двинулись пешком по неширокой просёлочной дороге. За пшеничным полем протянулось поле со скошенной и уже подросшей травой. Аккуратные стожки стояли то здесь, то там, выделяясь жухлым невзрачным цветом на зелёном фоне. Небо было безоблачным. Дети, резвясь, играли в пятнашки, но вскоре, запыхавшись, притихли и пошли рядом с отцом.

Полоса леса росла, ширилась и приближалась. Юра повёл рукой немного левее, и Люська увидела на опушке небольшой, но крепкий дом. Дорога плавно свернула вправо, и путешественники сошли с неё на еле заметную в траве колею, ведущую прямо на пасеку. Навстречу им выкатилась, весело лая и изо всех сил махая хвостом, небольшая симпатичная дворняга. Доверчиво обнюхав брюки отца, она бросилась к детям, и в ответ на их ласки, принялась, подпрыгивая, облизывать

их, куда попало. Потом брякнулась спиной в пыль и, извиваясь всем телом, подставила свой живот ласковым ладошкам детей.

Откуда-то из-за дома показался невысокий крепкий мужчина. Он приветливо улыбался и, сильно прихрамывая и склонив голову к левому плечу, спешил навстречу гостям. Друзья радостно обнялись и, похлопав друг друга по плечу, двинулись к дому.

От собачьей будки гуськом катились мохнатые шарики. Повизгивая, натываясь друг на друга и падая, они спешили на голос своей мамы. Брат и сестра, тоже повизгивая от восторга, принялись хватать их, тискать и гладить. Счастливая мамаша, поддерживая всеобщую кутерьму, бегала вокруг детворы и весело лаяла.

Мужчины прошли к раскидистому дереву, в тени которого примостился небольшой самодельный столик с лавочками по бокам. Отец что-то рассказывал, а дядя Коля, шаркая и слегка выворачивая ногу наружу, неторопливо собирал на стол. На невысоком крыльчке сидел серый невзрачный кот и прищурившись, неодобрительно поглядывал на возню ребятшек. Заметив, что девочка направилась к нему, кот нервно дёрнул хвостом, прыгнув с крыльчка, в три прыжка одолел тропку и скрылся за углом дома. Люська постояла в нерешительности, поозиралась.

Никакого забора, ворот и даже калитки у дяди Коли не было. Не было и сарая, а были просторные сени. Недалеко от крыльца стояла круглая стиральная машинка, как у мамы. Нет, не совсем такая. Девочка подошла к ней. Да это вовсе и не стиральная машинка, хотя и ручка сбоку есть, а вот резиновых валиков для отжимания белья нет.

– Это медогонка, здесь дядя Коля мёд качает, – сообщил подбежавший брат.

Люська немедленно запустила руку в эту железную бочку, и пальчики её нащупали тонкий липкий слой подсохшего тягу-

чего мёда. Сунув пальцы в рот, она зажмурилась от удовольствия:

– Сладко! А где же пасека? Где пчёлы?

– М-м-м! – облизывая палец, блаженно промычал Юрик, – Где-то неподалёку, но туда лучше не ходить, пчёлы закусуют.

Детей позвали обедать. На краю стола горкой высились железные миски. В них кучкой лежали простые некрашенные деревянные ложки. Сбоку пристроились четыре эмалированные кружки и два алюминиевых бидончика. Из чугунка, накрытого маленькой сковородкой, пробивался парок. Солёные грузди, щедро политые сметаной, нежились в глубокой глиняной миске. Рядом лежали приличные пучки зелёного лука и укропа, покрытые мелкими капельками воды. Горкой лежали на столе вымытые огурцы, стручки зелёного гороха. На краю стола стояла раскрытая пачка соли. Брат и сестра без лишних слов уселись на лавку, заинтересованно озирая богатство предстоящего пиршества.

Подошёл дядя Коля и водрузил на стол жёлтую эмалированную плошку, доверху нагруженную ломтями медовых сот. Янтарные ручейки медленно стекали с крупных кусков, оставляя за собой прозрачные тягучие дорожки. Дети радостно переглянулись. Последней на столе появилась большая половинка круглого хлеба с крупными дырками, пышного, с тугой корочкой.

– Никитишна, Никитишна, – в ответ на вопрос кто печёт хлеб, заулыбался дядя Коля. – У неё самый вкусный.

Он знаком показал на тарелки и ложки, которые отец тут же поставил перед каждым, а сам взял большущий ножик и, прижав краюху к груди, ловко начал отмахивать большие ломти хлеба и аккуратно раскладывать их на края железных мисок. Отец, тем временем снял с чугунка сковородку и ложкой выложил каждому по несколько жёлтых картофелин в растрескавшейся кожуре. Люська взялась было чистить кожуру, но Юра

разломил ложкой картофелину и начал есть её прямо со шкуркой. Дядя Коля одобрительно улыбнулся:

– Правильно, Юраш, так-то вкуснее.

Люська попробовала, и ей понравилось, как кожура лопается на зубах. За столом послышался аппетитный хруст огурцов и зелени. Гостеприимный хозяин разлил что-то из бидончиков по кружкам:

– Детям квас, а мужчинам медовуху, – весело сказал он и подмигнул отцу.

Насытившись, брат и сестра неуклюже вылезли из-за стола, и пошли выбирать щенка, а друзья долго ещё сидели и пили свой «компот». Отец горячо спорил о чём-то с дядей Колей, сердился на друга, видя, что тот мягко, но непреклонно склонял свою голову ещё ниже к плечу, не соглашаясь в чём-то с отцом. Люська тревожно прислушивалась к его интонациям. Она выбрала самого маленького и слабенького щеночка и, видя, как собачка беспокойно поглядывает на неё, ласково поглаживала её, словно успокаивала и передавала ей уверенность, что с её дитятей ничего плохого не случится.

Солнце давно уже перевалило за полдень и теперь медленно клонилось к закату. День был ясный, лишь на горизонте белело и росло на глазах одинокое кудрявое облачко.

Подошёл отец. Явно недовольный исходом спора с другом, он хмурился и, молча, наблюдал за игрой детей. Люська робко протянула ему щенка. Поняв, что дочь выбрала именно этого заморыша, отец презрительно оттопырил нижнюю губу и внимательно стал разглядывать её.

– А другого ты не могла выбрать? – с лёгкой издёвкой в голосе спросил он. – Да он через два дня сдохнет.

Люська испуганно прижала щенка к себе и насупилась.

– Возьми любого другого, только не этого, – настойчиво продолжал отец.

Но девочка, оскорблённая вероломством отца, упрямо молчала..

– Пап, ты же сам обещал, – попытался вступить за сестру Юрик, но отец лишь раздражённо отмахнулся от него.

Подошёл дядя Коля и с беспокойством показал на выроставшее как снежная гора, облако:

– Гроза будет, может, останетесь?

Но отец упрямо нахмурился и помотал головой. Он, молча, сверлил девочку взглядом, и Люська, положила щенка возле собачки. Опустив голову, она стояла, тихо глотая слёзы. Поняв, что они возвращаются домой, она повернулась и тихонько пошла по тропинке, не обернувшись на крик отца.

Девочка неспешно брела по просёлочной дороге и плакала. Вскоре отец и брат нагнали её. Отец, как ни в чём не бывало, попытался отшутиться, но девочка не ответила и не прибавила шага. Мужчины обогнали её, но вскоре стали часто оборачиваться и подгонять Люську. Сбоку уже стремительно надвигалась грозная туча. Отец остановился, дожидаясь девочку, но она остановилась тоже. А когда он пошёл ей навстречу, Люська отбежала назад. Рассердившись, отец повернулся и пошёл прочь. Он больше не оборачивался.

Когда хлынул дождь, они с Юриком побежали к ближайшему стогу и забились внутрь. Люська, уже не скрывая слёз, брела по размокшей дороге и ревела во весь голос. Сквозь шум дождя она слышала голоса, звавшие её, но ей было всё равно, она уже вымокла до нитки. И когда подбежавший отец схватил её в охапку и понёс к стогу, она отбивалась и брыкалась изо всех сил.

Дождь лил и лил, сверкали молнии, грохотал прямо над головой гром, и вода стала просачиваться внутрь стога. Девочка, сжатая крепкими руками отца, затихла, но не успокоилась.

Едва дождь стих, путешественники выбрались из стога и продолжили путь. Идти пришлось по краю дороги, по мокрой траве. По счастью, проезжавший мимо «козлик» подобрал их, и путники благополучно доехали до центра городка.

Люська заболела

Переодетая, причесанная и накормленная девочка грустно сидела на бабушкиной кровати.

– Бабушка Надя, я домой хочу, к маме, – тихо проговорила она.

Бабушка всхлипнула и прижала внучку к себе:

– Скоро поедешь, скоро, голубка моя, вот выходные будут у отца, он и отвезёт тебя.

– Нет, я не хочу скоро, я хочу быстрее.

Бабушкина ласковая ладонь, гладившая Люську по головке, тревожно задержалась на её лобике. В дверях показался отец и строго велел дочке идти спать. Люська умоляюще посмотрела на бабушку, но потом покорно вышла из комнаты. Из-за закрытой двери слышались ссорящиеся голоса взрослых. Девочка вышла на крыльцо и присела на ступеньку. В дом идти не хотелось.

Напротив, в хлеву, слышалось топотание коровы по деревянному настилу, шумное её дыхание. Потом часто застучали копытца телёнка. Люська встала и пошла в хлев. Она вошла к телёнку в стайку, обняла его и стала тихонько на ушко рассказывать обо всех своих горестях. Телёнок встал на коленки, потом улёгся. Девочка притащила большую охапку сена, потом ещё одну и устроилась рядом, Поглаживая его и время от времени вытирая бегущие слёзы, она не заметила, как задремала. Сквозь забытьё она слышала тревожные голоса родных, потом голоса многих людей, женский плач, потом по глазам резанул яркий свет фонаря и слышался чей-то радостный крик:

– Вот она!

Она почувствовала, как кто-то осторожно взял её на руки...

Ещё неделю она тяжело болела. Придя в себя, малышка обнаружила сбоку, перед глазами, приколотую наискосок вышитую узорчатую дорожку и поняла, что лежит на диване

в комнате у бабушки. Это порадовало её. Сколько раз она просилась пожить в её комнате, но отец почему-то не разрешал. И вот теперь, наконец-то, желание её исполнилось.

Отец в комнату не заходил. Вернее, услышав его голос, бабушка сама выходила к нему. Часто прибежал Юрик, рассказывал новости, а однажды отец привёз деда Укола. Дед вошёл в комнату, неся что-то завёрнутое подмышкой. Люська заулыбалась, увидев, как он потоптался у порога и осторожно выпростал из чистой наволочки чудесную резную кровать для куколки. Она села в постели, глаза её сияли, а дедушка бочком пристроился на краешке и весело что-то рассказывал. Бабушка Надя радостно суетилась, накрывая на стол прямо в комнате. И вскоре они обедали вчетвером, придвинув столик к Люськиному дивану. Юрик тараторил и тараторил, и было видно, что он рад собравшейся компании и наметившемуся выздоровлению сестрёнки.

А Люська и правда с этого дня быстро пошла на поправку. Бабушка достала с полатей мешок с кучей лоскутков и в свободное время они с внучкой принялись шить постельку для куколки: одеяло, матрасик, простынку и подушку. Люська с восторгом наблюдала, как из бабушкиных рук появляется настоящее стёганое одеяльце. С одной стороны оно было сшито из квадратных разноцветных лоскутков, а с другой из целого кусочка цветного ситца. Постепенно появился и белый пододеяльник. Бабушка спорола где-то мелкие пуговички и пришила их на одеяльце, а в пододеяльнике прометала петельки, и получилось всё по-настоящему. Люська тоже не сидела без дела, шила под бабушкиным руководством подушку. И хотя дома у неё тоже было много лоскутков, девчушка впервые проявила интерес к рукоделию.

Опять заболела

Вернувшись, наконец-то, домой, Люська с огорчением узнала, что детский сад уехал на дачу. Многие приятели и подружки тоже разъехались на лето по родственникам и по пионерским лагерям.

Очень скоро пришло письмо от отца, где он корил маму за плохое воспитание дочери. Как ни странно, бабушка приняла эту оценку довольно агрессивно и, вдоволь поворчав, раздражённо вынесла два вердикта: «А я знала, что всё так и будет!», и «К папаше больше ни ногой!». Девочка вздохнула с облегчением, а у мамы высохли слёзы.

Но и этим дело не закончилось. Вскоре выяснилось нечто более неприятное Люська привезла с собой заразный стригущий лишай. Но этот довольно длительный период долгого и упорного лечения плохо сохранила её детская память. В памяти осталось бесчисленное количество посещений врачей с осмотрами и перевязками, – очень болезненными для тоненькой и нежной её ручки, когда отдирали старые салфетки и накладывали новые. И для её носа, потому что мазь была нестерпимо, до тошноты, вонючей, а неприятные запахи Люська не выносила всегда. Да ещё какой-то период разных ограничений.. В подготовительную группу девочка из-за болезни не пошла.

Дома бабушка начала приучать её к шитью, и Люське это стало нравиться. Она старалась не обращать внимания на бабушкино раздражение, когда что-то не получалось, а терпеливо и внимательно слушала её и аккуратно переделывала. В такие моменты в детской памяти возникала добрая и ласковая бабушка Надя, и малышка, словно чувствовала её поддержку и утешение.

Как хорошо дома!

В начале осени во двор въехал грузовичок с саженцами и заскучавшая без активной подвижной жизни Люська радостно суежилась, помогая маме, дяде Алёше, братьям, копавшим лунки возле подъезда, подтаскивая им маленькие деревца и кустики. Себе она выбрала разросшийся уже куст вербочки, и они с мамой посадили её на углу огороженной под палисадник территории, возле дорожки.

Возле всех подъездов, весело балагурия, трудились семьями жильцы дома. И этот общий труд; и предвкушение красоты необыкновенной по весне, от распустившихся зелёных листочков; и радостные, улыбающиеся лица людей, – всё это создавало ощущение праздника. Душа маленькой девочки пела и расцветала в ликующем полёте общего творчества.

Тихими вечерами каждый занимался своими любимыми или необходимыми делами. Бабушка шила, она обшивала всю семью. И хотя часто ворчала о чём-то своём, любила эту свою работу, потому что у неё всегда всё получалось очень красиво.

Дядя Алёша, если не строгал что-то в подвале, то мастерил или склеивал детали будущей мебели дома. Люська не любила запах «клизеинового» клея, как называл его дядя Алёша, и который он варил в жестяной банке на электрической плитке. Но пустая когда-то кухня постепенно заполнилась красивым буфетом, шкафчиками, столиком и табуретками. В комнате их семьи появился шифоньер, книжный шкаф, большой круглый стол. В углу пристроилась этажерка, а рядом – гордость тётки Нины – оттоманка, просторный диван с мягкими валиками с трёх сторон. Для своих сыновей он смастерил красивый вместительный письменный стол с двумя тумбами и великолепный бильярдный стол с зелёным сукном и точёными ножками.

Обувь для всех чинил тоже дядя Алёша. В углу кладовой лежала у него железная «лапа». А на полке стояла большая

жестяная коробка, в которой вперемешку лежали куски кожи и резины, шило, дратва, куски чёрного вара, обломки мела. Отдельно лежал широкий короткий острый нож, вернее просто остро отточенная наискось железяка, с одной стороны плотно обмотанная многожды чёрной изолентой. А в белых круглых коробочках из-под зубного порошка лежали рассортированные по размеру сапожные гвозди. «Гвоздочки», как ласково называл их дядя Алёша. Ещё у него был целый набор подковок разного цвета и размеров.

Все детские ботинки, да и сандалики тоже, всегда были подбиты подковками. Все туфельки с каблучками и без побывали в его умелых руках. Все износившиеся валенки обновлены аккуратно прошитыми заплатками. Всё, за что бы он ни брался, он делал с удовольствием и основательно. И за детской обувью следил сам, чтобы вовремя приклеить и прибить протёртые подмётки и сносившиеся каблуки.

Мама и тётя Нина вечерами вышивали руками или на швейной машинке салфетки и дорожки, которыми украшали потом этажерки, спинки диванов, изголовья кресел, полочки, абажуры. Шили и вышивали скатерти, кухонные полотенца, постельное бельё. Вязали крючком кружевные подзоры для кроватей, покрывала. Штопали, натянув на лампочку, прохудившиеся носки и чулки. Разговаривали или тихо пели, и вместе с бабушкой получалось на три голоса. Семья была музыкальная, с красивыми голосами и хорошим слухом.

Иногда все вместе садились за круглый стол и играли в лото. Часто вечерами к кому-нибудь из детей приходили друзья, и это было здорово. Игр в доме было много: серсо, бильярд, большие картонные поля, где надо было играть фишками, бирюльки. А когда бирюльки, в конце-концов, потерялись, то высыпали коробок спичек и, сгрудившись головами, внимательно следили, чтобы ни одна спичка не сдвинулась с места, кроме той, которую аккуратно пытался вытянуть ведущий.

Много рассказывалось весёлых и страшных историй. Дети много читали. Дядя Алёша выписывал книги, газеты и журналы. Детям тоже выписывали «Мурзилку», «Весёлые картинки» и «Костёр».

В спокойном размеренном течении жизни девочка всё реже и реже вспоминала свою поездку к отцу. Она больше не станет ему доверять никогда. Добрую ласковую бабушку Надю и чудесного деда Укола она больше никогда не увидит. Но разве можно их забыть?

Важный урок

Однажды Люська увидела интересные цветные вкладки в журнале «Огонёк». Это были картины неизвестного художника, необыкновенно яркие, и названия были непонятные, трудно читаемые. И всё это так манило, загадочные названия картин так притягивали!

У девочки уже была большая картонная папка, подаренная дядей Федей, с репродукциями разных картин. Мама тоже разрешала дочери вырывать из женских журналов напечатанные там картины и их описание. Люське нравилось перебирать их и рассматривать подолгу.

Прихватив свою большую папку подмышку, девочка под села вечером к дяде Алёше. Раскрыв и показав ему свои сокровища, она робко попросила отдать ей те картины из его журнала. Дядя внимательно покосился на племянницу и согласно кивнул головой. На радостях Люська чмокнула его и, схватив журнал и ножницы, чтобы отогнуть скобочки, побежала к маме.

На следующий день она заглянула в другие номера журнала «Огонёк» и, увидев там ещё много репродукций картин, решила, что раз уж ей разрешили взять из одного журнала, значит можно аккуратно распотрошить и другие. Никому ничего не сказав, она потихоньку сделала это.

Прошла неделя. Всё было как всегда, и всё-таки, что-то Люське не давало покоя. Она проживала день за днём в тревоге, словно ожидая чего-то. И дождалась!

Вернувшись с прогулки в воскресенье, она сразу увидела на столе стопку злополучных журналов. Девочка подошла к столу и опустила голову. Тётя Нина, сидевшая неподалёку, мягко спросила:

– Ты ничего не хочешь рассказать?

Люська мучительно покраснела, подняла на тётю глаза, полные слёз и начала:

– Но....

– Но ведь тебе разрешили вынуть листок только из одного журнала, – подхватила тётя Нина, всё поняв по глазам племянницы.

– Я...я больше так не буду, они все целые, можно прикрепить их обратно! – заревела Люська.

Она побежала за папкой, но в дверях её придержал входивший дядя Алёша.

– Да ладно, мать, чего уж ты, – укоризненно сказал он тёте Нине.

– Да разве я против? Я понимаю, что они ей, может быть, очень нужны, – положив руку на сердце, горячо сказала тётя Нина. – Но разве не надо было спросить разрешения?

Дядя Алёша взял принесённую Люськой папку, сел к столу и открыл её. Перебирая и разглядывая картины, он сказал задумчиво:

– Знаешь мать, мне кажется, они здесь все к месту. Пусть и дальше собирает свою коллекцию.

Мир был восстановлен ко всеобщей радости, а Люська получила урок и счастливое разрешение на продолжение своего увлечения. Она вдруг поняла, как хорошо и как важно жить с чистой совестью, когда ничто не мешает радоваться жизни и быть со всеми в дружбе.

А что же дальше? С друзьями из двора и детского сада Люська будет учиться в одной школе. Приобретёт там много новых друзей. Не раз ещё попадёт в трудные ситуации и выберется из них, получив необходимые уроки, как, впрочем, и все. Но поймёт, может быть, главное:

- надо почаще улыбаться и думать о хорошем;
- надо меньше бояться и рисовать в воображении страшные картинки;
- не надо причинять кому-то боль, ведь это обязательно когда-то обернётся против тебя.

С братьями, сёстрами и всеми родственниками Люся проживёт долгую жизнь в мире и взаимопонимании.

Послесловие, обращение автора к взрослым читателям

Что заставило меня взяться за перо? Не только интерес старшей внучки, Саши, к моему детству.

С возрастом ощущение ценности жизни возрастает безмерно. Я точно знаю, что каждому человеку есть что вспомнить из своего незабываемого детства. Вспомните себя маленькими! Вспомните и согласитесь, что Ребёнок – это целый мир! Каждый ребёнок – океан познания, мыслей, чувств, наблюдательности, любви, доброты, справедливости!

Все мы родом из детства. Не забывайте об этом вы все, ставшие взрослыми. Не губите детей равнодушием, чёрствостью, лицемерием, нелюбовью. Помните, что рядом с вами живёт и дышит ваше будущее. Наше будущее. Как оно живёт? Чем оно дышит? С кого берёт пример? Чему стремится подражать?

В каждом ребёнке заложен талант. Не заройте его ненароком в суете ваших будней, забот, проблем. Не вырастите из ребёнка иждивенца, научите его трудиться, а главное, испытывать чувство радости от самого процесса труда.

Не отмахивайтесь от вопросов вашего ребёнка и, задумываясь о его будущем, не решайте за него, кем ему быть. Ведь это его жизнь! Помогите ему стать человеком! В крайнем случае, не мешайте ему! Невежество в вопросах воспитания дорого обходится всем: и семье, и обществу, и стране. Постарайтесь понять это.

Думаю моим младшим внучкам Мирославе и Тасе, а также детям моим, дочери Лине и сыну Алексею, крёстной дочери Софье и всем будущим внукам и правнукам тоже будет интересна книга о бабушкином детстве, когда они подрастут.

Я вас очень люблю!

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	3
Давайте знакомиться.....	4
Беспокойное утро. Дедушка Гнусин.....	5
Братья приехали.....	8
«Ишь, чего удумали!».....	9
Вкусные веники.....	13
Настоящий выходной.....	14
Первая Ёлка.....	19
Пирожки.....	24
Вот так подружки!.....	27
Что такое темнота?.....	29
Ковёр? Ковёр!.....	30
Заболела.....	34
«Оклемалась».....	36
Модные обновки.....	37
Что такое детский сад.....	40
Сестрёнка.....	43
Лучшая подружка.....	46
Страсти-Мордасти.....	48
А вы любите тушёную капусту?.....	51
К тётке Рите в гости.....	53
Лира.....	55
Лира вышла замуж.....	56
Новые друзья.....	58
У Ададуриных в гостях.....	61
Баба-Яга.....	65
Кыстыбы.....	71
У каждого бывают плохие дни.....	74
Люську берут на переговоры.....	77
Ох уж эта «Пра»!.....	79
Счастье-то бывает!.....	82
«Торжественная песнь парному молоку».....	84
Рыбалка.....	85
Неожиданное знакомство.....	87

Вот это находка!.....	90
Первое путешествие.....	92
«Парадный портрет».....	94
Фигурные коньки.....	97
Второе путешествие.....	101
«Где ты была так долго?».....	105
Удивительный дед Укол.....	107
Педсовет.....	112
Полезная крапива.....	113
Люську учат плавать.....	116
Игры.....	118
На пасеке.....	120
Люська заболела.....	126
Опять заболела.....	128
Как хорошо дома!.....	129
Важный урок.....	131
Послесловие.....	134

Брылёва Людмила Марковна

Ох уж эта Люська!

Повесть для семейного чтения

Книга публикуется в авторской редакции

Технический редактор Т.А. Агапий

Художник А.О. Оксенюк

Бюджетное учреждение культуры Орловской области

«Орловский Дом литераторов»

302028, г. Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, 1

Подписано в печать 10.05.2023 г. Формат 60х90/16.

Печать ризография. Бумага офсетная.

Усл.п.л. 8,5. Тираж 400 экз. Заказ № 156

Отпечатано с готового оригинал-макета в

в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»

г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26. Тел. (4862) 44-51-46

E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru